

ВАСИЛИЙ АВЧЕНКО

ДАЛЬНИЙ
ВОСТОК:
ТЮК.

ИЕРОГЛИФ
ПРОСТРАНСТВА

Василий Олегович Авченко Дальний Восток: иероглиф пространства. Уроки географии и демографии

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64885807

*Дальний Восток: иероглиф пространства. Уроки географии и демографии: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной; М.; 2021
ISBN 978-5-17-132741-5*

Аннотация

Мы до сих пор не знаем, что такое Дальний Восток. Можем ли мы использовать это странное обозначение, соединившее чукотскую тундру и приморские субтропики, якутский полюс холода и курильский бамбук? В чём уникальность этой территории особого назначения, подлинной границы Европы и Азии, стыка материка и океана, малонаселённой провинции?

На все эти вопросы пытается ответить писатель и журналист Василий Авченко, обращаясь к тем, кто торил первые тропы, осваивал и отстаивал, жил на Дальнем Востоке.

Это не учебник истории и не краеведение. Скорее – геопублика, попытка расшифровать иероглиф пространства, понять феномен территории и человека, живущего на ней.

Содержание

Геолирическое вступление	5
Архипелаг Джетлаг	17
Неевклидова география	17
Страна Тартария	30
Дорога на Океан	42
Большая игра	57
Святые несвятые	93
Дальневосточные республики	116
Годы и города	135
Конец ознакомительного фрагмента.	139

Василий Олегович Авченко Дальний Восток: иероглиф пространства. Уроки географии и демографии

*Мало создавать города – надо создавать людей.
Вера Кетлинская*

*Есть вещи, которые для тебя означают
всё, а для другого – лишь слова на бумаге.
У меня, например, при слове «Магдагачи» или
«Курумкан» мурашки по хребту ползут. Вот и
охота поделиться. Мурашками.
Михаил Тарковский*

© Авченко В.О., 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Геолирическое вступление

*Ужели вам не наскучило слышать и читать,
что пишут о Европе и из Европы?*

Иван Гончаров. Фрегат «Паллада»

*– У меня есть хороший тост, – встала Женя. –
Предлагаю выпить за наш Дальний Восток, за
самый глубокий тыл, который в любой час может
превратиться в передний край. Пусть товарищ
москвич попробует не выпить!*

Василий Ажаев. Далеко от Москвы

Это никакое не краеведение – у краеведения иные задачи.

Это попытка расшифровать иероглиф пространства. Объяснить человека в его движении.

Сказать обо всём невозможно, да и не нужно: это не учебник и не диссертация. Нет смысла опрокидывать айсберг, обнажая его необъятную подводную часть – на то она и подводная.

Сенсаций не будет. Все факты в *wiki*-век общеизвестны и общедоступны. В информационную и бесцензурную эпоху фильтрация, отбор и осмысление данных становятся важнее их обнаружения.

Выбор личностей и событий субъективен, но неслучаен. Каждая и каждое достойны романов и фильмов, которых, за немногими исключениями, не появилось. А ведь мы узнаём

историю именно по книгам и кино, оставляя архивы и документы специалистам, круг которых узок.

Многое кануло навсегда.

Кажется, новые поколения живут так, словно до них ничего не было.

До нас было многое.

После нас тоже должно быть.

Каждая территория – загадка. Есть смыслы, которые пространство передаёт нам, и смыслы, которыми мы сами пытаемся его наделить.

Когда русские пришли осваивать Дальний Восток, сама эта земля освоила пришельцев. Мы её русифицировали – она нас одальневосточила, тихоокеанизировала. Думая, что подчиняем территорию себе, мы не заметили, как она подчинила себе нас.

Кто мог знать век назад, что Приамурье удобно для размещения космодрома, в Якутии обнаружатся алмазы, а на шельфе Ледовитого будут добывать газ?

Возможно, наши предки не представляли, чем станет для России Дальний Восток. Но чувствовали: его надо *осваивать*.

Слово «освоение» в нашем повествовании – одно из ключевых: присоединить – ещё не значит освоить.

«Русская бессмысленная и бесполезная великая глубина», – заметил однажды Андрей Тарковский о литературе.

То же можно сказать о русской территориальной бесконечности (лишь на первый взгляд бесполезной), отражающейся в бездонной русской словесности.

Кому-то гигантские дальневосточные пустыни кажутся ненужными, лишними...

Ничего лишнего у нас нет.

«Каждый день, каждый час вливаются в армию выносливые, крепкие, привыкшие к зимним невзгодам сибирские полки, блестяще показавшие себя в последних боях», – писал в репортаже с Первой мировой Алексей Толстой.

На следующей мировой комбат Высоцкого оттолкнётся ногой не только от Урала, но и от тихоокеанских берегов.

Знаменитые «сибирские дивизии», спасавшие безнадёжное, казалось бы, положение под Москвой в конце 1941 года, по большей части были именно дальневосточными: 107-я мотострелковая, 32-я Краснознамённая стрелковая, 78-я, 239-я и 413-я стрелковые, 58-я и 112-я танковые, 62-я, 64-я, 71-я, 82-я морские бригады... Их держали на востоке, опасаясь нападения Японии. Когда полыхнуло на западе, командующий Дальневосточным фронтом Апанасенко¹ начал отpravку эшелонов через всю страну, стремительно формируя новые части взамен убывающих. Только с июля 1941-го по

---

¹ Апанасенко Иосиф Родионович (1890–1943) – кавалер трёх Георгиевских крестов и трёх орденов Красного Знамени, генерал армии. Погиб под Белгородом. *Здесь и далее – примечания автора.*

июнь 1942-го с Дальнего Востока ушло в бой двадцать две дивизии, не считая других соединений. Сибирскими их могли называть потому, что они шли со стороны Сибири, да и Дальний Восток вплоть до советских времён не вычленяли из Восточной Сибири – расквартированные в Приамурье и Приморье части именовались сибирскими.

Под Москвой бились солдаты со всего Союза. Бессмысленны попытки калькулировать и акцентировать вклад какого-то одного народа или региона. Страна воевала вся, включая, естественно, сибиряков – железных людей, олицетворяемых для меня снайпером-«шаманом» Номоконовым и лётчиком Покрышкиным, каждый из которых истребил врагов, как добрая воинская часть. Да и в тех самых дальневосточных дивизиях служили, разумеется, бойцы и командиры со всей страны.

И всё-таки мне кажется это глубоко символичным: в страшный час под Москву приходят солдаты с Дальнего Востока, и этот засадный полк спасает страну от гибели.

В последние годы Дальний Восток, кажется, снова вошёл в моду: саммит АТЭС, Восточный форум, территории опережающего развития, переориентация с «западных партнёров» на Азию... С другой стороны, ревизию «европейского пути» тормозит наш консерватизм – проклятый и благословенный (если правда, что Россия движется не вперёд, а по кругу, то этот круг может быть спасательным, спасительным). Дальне-

восточье донныне остаётся территорией, открытой лишь наполовину. Порой о Дальнем Востоке рассуждают почти как о Марсе. Сегодня и ежедневно говорит Москва, восточная же периферия корчится безъязыкая, потому что в Петропавловске-Камчатском – вечная полночь.

Юрий Рытхэу однажды сказал, что его писательской задачей было показать: чукчи – такие же люди, как все.

Этот тезис применим к дальневосточникам вообще.

Однако, если назвать Владивосток обычным российским городом, будет неинтересно. Хочется экзотики: крабы, киты, пираты, тигры, браконьеры...

Всё это, конечно, есть. Но это ли главное?

Дальний Восток – провинция в кубе. По дальневосточным меркам Поволжье и Урал – почти Подмосковье. ДВ-фобию подметил ещё Чехов на каторжном Сахалине, констатировав *предубеждение против места*. Каторги давно нет – предубеждение осталось. Непросто поверить, что Дальний Восток – такое же *наше*, как Волга или Вологда, что здесь можно просто жить, а не выживать, бороться, покорять, нести вахту.

Можно попробовать понять Дальний Восток через стихии: суша, море, тайга, воздух, огонь, слово... «Стихи» неслучайно созвучны со «стихией». Мысли, образы, мелодии – эфирная, невесомая стихия, составляющая ту самую

ноосферу, которую прозрел Владимир Вернадский², – главный и высший результат человеческого существования.

Если определять Дальний Восток двумя словами, можно взять «полигон» и «передовая».

Это территория двойного, специального назначения.

Представив Россию организмом, где у каждой части – от казачье-кавказского Юга до европейского Петербурга и горнозаводского Урала – своё предназначение, мы увидим Дальний Восток не просто телесной периферией империи, но землёй особой, незаменимой.

Среднюю Азию называли подбрюшьем Советского Союза. Приморье на карте напоминает аппендикс, что вызывает тревогу: надо – не надо, отрежут – не отрежут... Или же не аппендикс, а крюк, которым Россия заякорилась в настоящей, азиатской Азии?

«Одна шестая», самая большая страна – не данность, а огромная работа многих поколений. Даже материки не стоят на месте; тем более не навсегда границы, проведённые людьми. История продолжается, происходит.

Дальний Восток – не только тайга, где ловится рыба, до-

---

² Вернадский Владимир Иванович (1863–1945) – учёный необычайно широких интересов, человек удивительной судьбы: геолог, философ, космист, один из отцов геохимии, действительный статский советник, член партии кадетов, товарищ министра во Временном правительстве, лауреат Сталинской премии, кавалер царских и советских орденов, отец философа-евразийца, эмигранта-врангелевца Георгия Вернадского, родственник писателя Короленко и т. д.

бывается золото, рубится лес.

Сразу же по приращении к России регион стал полем гигантского эксперимента. Здесь испытывалось новое оружие, создавались и гранились новые люди, закалялась сталь, из которой можно делать не то что, по словам поэта Тихонова, гвозди, а предметы куда крепче: напильники, победитовые свёрла, буровые коронки, бронебойные пули. Алмазы, которые добывают в Якутии, рождаются из самого обычного графита, углерода, в условиях невероятного сжатия и нагрева. Дальний Восток – территория подобного сжатия. Она может убить – или сделать сильнее. А в критический момент способна спасти Москву – и всю страну.

Есть рабочие, пролетарские металлы: железо, медь, алюминий... Их добывают в огромных объёмах. Есть драгоценные, *благородные* – золото, платина, серебро. Ещё есть элементы, которые называют «редкие земли». Родятся они в небольших количествах, применяют их в гомеопатических дозах. Но именно они способны превратить беспородный металл в сплав, выдерживающий в прямом смысле слова неземные нагрузки, сообщить обычному веществу небывалые свойства.

Их не может быть много. Их и не надо много, как не надо много соли. Они и есть – соль земли. Водятся они в немногих, зачастую отдалённых местах, которые тоже можно назвать редкими землями.

Каждый из языков, каждую из культур можно понимать как опыт и задачу.

У России задача особая.

Народ, который сможет выстоять на малопригодной для жизни территории, – уже победитель.

Но если Россия – полигон выживания, то Дальний Восток – полигон вдвойне. Это Россия, возведённая в высшую степень, «сверхРоссия».

В России сравнительно немного людей в пересчёте на квадратные парсеки. На Дальнем Востоке ещё меньше: 5,5 % населения на площади в треть с лишним от всей страны; восемь миллионов людей на семь миллионов кв. км – от Байкала до Берингова пролива.

Считается, что во всей России суровый климат, но полюс холода находится именно на Дальнем Востоке.

Чемоданные настроения здесь тоже сильнее, чем в среднем по стране.

Исследователь северо-восточных рубежей Степан Крашенинников ещё в середине XVIII века сформулировал: «О состоянии Камчатки трудно вообще сказать, недостатки ли её больше, или важнее преимущества». Дальний Восток – ещё более нерыночная территория, чем вся Россия. С точки зрения ортодоксального рыночника весь Дальний Восток надо поскорее закрыть.

На Дальнем Востоке каждый человек – на вес колымско-

го золота. В силу редкости он огромен и значим. Здесь ему часто приходится играть не только основную, «служебную» роль. Дополнительная нагрузка нередко становится главной: священник становится лингвистом, офицер – географом...

Задача Дальнего Востока – не в том, чтобы хранить корневые традиции, как у Сибири (которая теперь и стала настоящей *центральной* Россией), и не в том, чтобы улавливать, примерять, осваивать или отторгать мировые моды, как у авангардных космополитичных столиц.

На Камчатке есть полигон Кура, который наши военные обстреливают межконтинентальными ракетами из Баренцева моря – через пол-Земли. Весь Дальний Восток напоминает эту избитую Куру или же атолл Бикини, где испытывали атомную бомбу американцы. Только у нас холоднее – на таёжной реке Бикин ватник уместнее бикини.

Не то чтобы кто-то специально определил Дальний Восток полигоном, но исторически сложилось именно так.

Дальний Восток – пограничный, суровый, огромный, полупустой – оказался новой границей Европы и Азии, стыком материка и океана, приливной и прибойной зоной, военно-таёжно-морской цивилизацией, передовым рубежом обороны и наступления; одновременно – тылом, куда можно отступить, где можно формировать пополнение, устраивать запасную столицу, кладовой, валютным цехом, обетованной землёй и даже Четвёртым Римом.

На дальневосточном полигоне обкатываются разные фор-

мы социальной организации: от каторжного Сахалина до украинского Зелёного Клина, от колымского «Дальстроя» до «города Юности» – Комсомольска, от царского порто-франко до «свободного порта Владивостока», от Русской Америки и Желтороссии до Дальневосточной республики и Еврейской автономии.

Дальний Восток – русский фронт. «Фронт» можно перевести как «рубеж» или же применить другое хорошее и тревожное слово – «передовая». Передовая – это не только проволочные заграждения и окопы. Это зона контакта с *иным*; если продолжать использовать милитаристские метафоры – плацдарм для наступления (необязательно военного) вовне.

Идеальное пространство для Большого Дела, Дальний Восток притягивал пионеров. Тут всегда есть чем заняться: прокладывать Транссибы, БАМы и Севморпути, основывать города, бороться с собой и природой.

Каждой империи нужен свой Дальний Восток. Без него она неполна – и агрессивна – в поисках недостающего, как были агрессивны тихие, даже слишком тихие сегодня европейские страны каких-то сто, двести или триста лет назад.

Дальний Восток – территория, где возможно всё.

В позднесоветское время Владивосток был закрытым военно-морским городом, но одновременно столицей фарцы и месторождением организованной преступности (здесьняя «третья смена» 1970-х – предтеча группировок 1990-х). Ны-

нешние «территории опережающего развития» и «дальневосточные гектары» напоминают дореволюционные эксперименты по заселению и развитию восточной окраины империи. Чиновники – что царские, что постсоветские – ощущали: Дальний Восток жив нестандартными подходами.

Он ещё не застыл, не перекипел. Это уловил чуткий визионер Пришвин, написавший в Приморье в 1931 году об «особенной силе напряжения разрушения и созидания». Края территории подрагивают, как протуберанцы; лава ещё не стала холодным пеплом и ноздреватым базальтом. Дальний Восток – раскалённый докрасна, шипящий в океанских водах металл, который может принять любую форму; летящий самолёт, курс которого не определён. Это земля маргинальная, мерцающая, калейдоскопно пересобирающаяся, напоминающая туманный фантом, радужную плёнку на волне. Ещё неустоявшаяся, неотвердевшая, как старая континентальная Россия.

Это новая земля без имени. «Дальний Восток» – не имя, а лишь пространственное обозначение, как в солдатском строю при расчёте на первый-второй.

Есть молодая наука геофизика, исследующая строение Земли. Есть куда более почтенная по возрасту область философии – метафизика.

Эту книгу можно назвать введением в геопирику. Или гео-метафизику.

Ведь лирика – одна из форм физики. Или наоборот.

Для меня это очень личная книга уже потому, что мои дети – приморцы в пятом поколении. Дальний Восток для меня – не дальний и не восток, а место, где живу; малая родина, неотрывная часть большой. «Дальний» – это если смотреть из Москвы или считать Европу центром мира.

Иногда кажется, что дальневосточник – моя профессия. Что я живу здесь не только в своё удовольствие и потому, что так сложилось, но и для сохранения демографии и географии, чтобы земля эта не заросла сорняком и не была занята другими, чужими. Как говорят военные моряки, для демонстрации флага.

Архипелаг Джетлаг

*Дальний Восток по территории больше Европы,
а много ли знают у нас о нём?*

Владимир Арсеньев

*Поставить русскую избу на азиатском пределе?
Разве это не достойно мечты?*

Олег Куваев

*Россия двинула на Восток с такой скоростью,
словно собиралась ликвидировать Азию как
географическое понятие, присоединив к Европе.
Опомнились лишь в Калифорнии: оказалось, мы
бежали от Европы.*

Андрей Битов

Неевклидова география

Это было в августе.

Я перегонял японскую машину из Владивостока в Красноярск. Пять тысяч километров – полстраны.

В решётку радиатора набивались крупные мясистые чёрные бабочки, которых у нас называют без разбора махаонами. На ветровом стекле разноцветно расплывались жирные шлепки насекомых. Асфальт трассы «Уссури» был пёстр и

неровен, покрыт зигзагообразными росчерками тормозных следов, усеян обрывками грузовых покрышек с торчащими проволочками корда. На ремонтируемых участках в воздухе стоял перегретый пылевой туман.

Под Дальнереченском телефон впервые поймал через близкую границу сеть *China Unicom*. Потом, за Хабаровском, в радиоэфир прорвались бодрые китайские марши.

Но вот цивилизация осталась позади, я словно вышел в открытое море или преодолел земное притяжение. Радиосигналы утихли, остался только ровный фоновый баритон мотора – и география почти без демографии.

Ещё недавно между Хабаровском и Читой была не дорога – направление. Глухой, гиблый участок. Сколько здесь оставили разорванных в лоскуты покрышек, разбитых машин, потерянных жизней – не счесть. Можно было заблудиться, заправок не хватало, туда-сюда сновали разводбригады: «У нас дороги платные!» «Перегоны» возили с собой стволы – травматические, охотничьи, боевые.

Сегодня трасса «Амур» похожа на взлётную полосу. Теряется за горизонтом, шёлковой лентой убегает под капот. Иногда проваливается – это плывёт вечная мерзлота, – но дорогу быстро подновляют. Настоящий европейский автобан – с поправкой на пустынные амурско-даурские пейзажи.

Перегон от Хабаровска до Читы – выход в открытый космос, нырок в межзвёздную пустоту.

Это дорога жизни, хрупкая артерия.

Российским расстояниям соразмерны самолётные, если не космические скорости. Но самолёт, прекрасный как средство быстрого перемещения на большие дистанции, практически бесполезен как способ познания страны. А обойти Россию пешком – жизни не хватит. В самой большой стране приоритетом должна быть лёгкость перемещения. Дорога – национальная идея России, важная составляющая нашей ДНК. Русская дорога – жанр, до которого далеко легкомысленным западным травелогам. Наш травелог – это Радищев, душа которого «страданиями человечества уязвлена стала», едва он отъехал от столицы; Гончаров, дошедший на фрегате «Паллада» до Японии и едва не увязший в Сибири на обратном пути домой; Чехов, стремившийся на каторжный Сахалин и Русско-японскую войну. Даже если взять подмосковную электричку, выйдет экзистенциальный кошмар ерофеевских «Петушков».

А здесь не Подмосковьё – Забайкалье-зазеркалье.

Вдоль дороги – ковёр из поспевающей брусники.

Раньше на вершинах сопок водружали кресты, размещали военные дозоры... Большой Стиль ушёл. Господствующие высоты заняты ретрансляторами сотовой связи.

Невер – ответвление на север в сторону Тынды, Якутска, Магадана.

Лагар-Аул, Лондоко, Кульдур, Икура, Аур, Амазар... – названия словно залетели из других историй и географий: кавказской, французской, японской, греческой. Тахтамыгда,

Улятка, Урюм, Желонда, Жирекен, Итака, Арго-Юрях...

Здесь районы принято измерять в Швейцариях или Бельгиях. «У нас область маленькая, с Португалию».

Селеткан, Ушумун, Магдагачи, Нюкжа, Ерофей Павлович, Архара, Амазар, Могоча. «Бог создал Сочи, а чёрт – Сквородино и Могочу».

И это ещё юг – по российским меркам (по нероссийским – почти Заполярье).

С географической точки зрения Восток и Запад – одно и то же; они давно слились. Нет ни востока, ни запада. Север и юг есть – это полюса, через которые проходит ось вращения Земли. Восток же и запад – понятия относительные, склонные к зеркальному перевёртыванию; недаром Колумб отправился на восток через запад.

Для меня как жителя Владивостока даже Китай – запад, а уж Пакистан или Иран – запад дальний. Западом на Дальнем Востоке называют не только Германию или Францию, но и Москву с Петербургом. Аляскинский Анкоридж – восток в географическом, но запад в политическом смысле. Аляска, родственная дальневосточным Чукотке и Колыме ментально и геологически, находится куда западнее самого дальнего из диких западов. Капиталистический Гонконг расположен на юго-восточной, а сепаратистско-среднеазиатский Урумчи – на северо-западной окраине Китая, хотя политически Урумчи, – конечно же, восток, а Гонконг и Шанхай – самый настоящий запад.

Язык бунтует, не желая называть Забайкалье Забайкальем: для меня это – Предбайкалье. Но я вынужден принять москвоцентристскую точку зрения: все иные считаются маргинальными, да и нужна же общая шкала.

Как ни странно, самая западная точка России находится не в Калининграде, а на Чукотке, потому что восточная часть Чукотки лежит уже в западном полушарии. Это иллюстрирует относительность деления планеты на восток и запад. Именно через Чукотку проходит 180-й меридиан – «восточный Гринвич», из-за чего Россия лежит сразу в двух полушариях, подобно европейским и африканским странам, рассечённым «западным Гринвичем».

Владивосток окружают Страна восходящего солнца, Страна утренней свежести и Поднебесная империя – по-восточному поэтичные, но необоснованно претенциозные названия. Как будто в других странах не встаёт солнце; как будто все остальные – страны утренней несвежести. Во всех этих именах, включая «Поднебесную», проявляется географический эгоцентризм, убеждённость человека в том, что он живёт в особенном, главном месте.

Наверное, человек и должен так думать. Но Японию пусть называют Страной восходящего солнца где-нибудь на Западе. Для жителей российского острова Кунашир Япония – страна заходящего солнца: каждый вечер видно, как светило падает за отросток Хоккайдо.

Даже Владивосток находится восточнее всего Кюсю и ку-

сочка Хонсю, не говоря о Нагасаки, лежащем куда западнее Биробиджана, на одной долготе с Якутском. Магадан, Петропавловск, Анадырь настолько восточнее Японии, что она для них – далёкий запад, как Лондон или Париж для Москвы. Строго говоря, восточные соседи России – не Китай или Япония (это соседи южные), а США и Канада.

Если судить по часовым поясам, то Япония лежит не к востоку, а к западу от Владивостока, где-то в районе Забайкалья (Чита и Токио живут по одному времени).

На самом деле это над Россией, а не над какой-нибудь невеликобританией никогда не заходит солнце. Россия никогда не спит. Жизнь в нашей стране организована подобно корабельному распорядку: когда засыпают москвичи, на вахту заступают дальневосточники. Кто-то всегда бодрствует – нас не застать врасплох.

Есть странная, необъяснимая магия пространства. Человек, покидая пространство страны и родного языка, перестаёт им принадлежать, даже если сам он думает иначе. Родину нельзя унести на подошвах. Невидимые ниточки рвутся, и человек, ещё говоря на родном языке, превращается в иностранца. Голова начинает мыслить иначе, сердце бьётся по-другому. Он, говоря компьютерным сленгом, перепрошивается, даже если сам не замечает изменений, но они происходят – серьёзнейшие и, возможно, необратимые.

Сколь принципиальны наши азиатские соседи: то, что для нас – Южные Курилы, для Японии – исключительно «се-

верные территории»; корейцы, у которых давние обиды на японцев, не признают названия «Японское море» – только «Восточное море Кореи». Чтобы быть последовательными, Жёлтое море они называют Западным морем Кореи, Восточно-Китайское – Южным морем Кореи. Русские куда толерантнее: пусть будет Японское, невзирая на войны, интервенцию, Хасан, Халхин-Гол и «курильский вопрос».

Широта и долгота – всего лишь паспортные данные территорий и акваторий, не учитывающие их индивидуальности. Владивосток лежит на крымской широте, на одной параллели с Сочи и Марселем, но климат здесь не крымский: на него влияют морские течения, якутские воздушные фронты, дыхание Гоби. В своё время обсуждался проект строительства дамбы на Сахалин, которая не только свяжет остров с материком, но и перекроет поступление к приморским берегам холодного охотского течения; тогда-то во Владивостоке и установится крымский климат, сюда сразу же потянутся люди – без всяких дальневосточных гектаров.

Парадокс, но в Евразии климат определяется не столько широтой, сколько долготой: чем восточнее, тем суровее. Это заметил ещё Гончаров, в 1854-м добравшийся на «Палладе» до дальневосточных берегов: «На южном корейском берегу... так холодно, как у нас в это время в Петербурге, тогда как в этой же широте на западе, на Мадере например, в январе прошлого года было жарко». Позже Пржевальский отметит: в Архангельске, лежащем куда севернее Уссури, зи-

ма теплее. «Несмотря на довольно южное положение этого края... здешний климат далеко не может сравниться с климатом соответствующих местностей Европы и в общем характеризуется гораздо большею суровостью». В начале XX века Арсеньев добавит: «Владивосток, находясь на широте Неаполя, имеет среднюю годовую температуру 5°, соответствующую температуре Лофотенских островов у Норвегии». О том же напишет Нансен в 1913 году: «Хотя Владивосток лежит практически на широте Ниццы и Флоренции... среднегодовая температура... ниже, чем в Кристиании (Осло. – В. А.)».

На западе Евразии, в разных там испаниях, – жара; в Восточной Европе климат умереннее; затем начинается снежная Россия, но и она в своей западной («центральной») части отличается погодой сравнительно мягкой. Дальше идёт Сибирь, о морозах которой сложены легенды. Ещё восточнее – Якутия, полюс холода Оймякон, ледяная Колыма, а ведь это далеко не Заполярье – тот же Магадан лежит на широте Петербурга.

Принято стремиться на юг.

Но случайно ли именно Полярная звезда стала путеводной? Даже идя на юг, ориентируешься по северу. Самолёт из Владивостока в Москву летит не по прямой, не вдоль Транссиба, а по далёким *северам*, тем самым сокращая расстояние, что отлично видно на глобусе.

Чем дальше на север, тем теплее люди.

Сколько раз нас спасал и ещё спасёт наш Север, который мы проклинаем.

...Люблю разглядывать карты. Всегда открываешь что-то новое, как будто карта при каждом новом взгляде меняется, подобно калейдоскопной картинке.

Хранящаяся у меня карта СССР протёрлась в самом центре, на сгибе. Так выяснилось, что центр нашей страны – Волгово. Это на Енисее, ниже Красноярска. Москва – давно не центральная Россия: страна разрослась на восток, Москва оказалась на дальнем западе.

Интересно проследить, как расположение столицы влияет на политику. Звучат слова о «развороте на восток», но мы всё равно остаёмся европейской страной, что давно не соответствует ни облику, ни расположению, ни задачам России: столица держит. Есть ощущение, что обе головы нашего орла по-прежнему смотрят на запад – столь же увлечённо, как дети *втыкают* в гаджеты.

Россия за Уралом – редкие оазисы городов среди горно-таёжной пустыни.

Когда-то периферийная, теперь Сибирь стала настоящей центральной Россией. Это ядерный реактор, родник, стратегический *энзэ*, хранящий смыслы и понятия. Неслучайно звучат предложения перенести столицу в Сибирь.

Сегодня слово «провинция» предпочитают заменять словом «регионы». Многим кажется, что «провинция» или «пе-

риферия» – что-то обидное. Но, во-первых, от использования «регионов» провинция не перестаёт быть провинцией. Во-вторых, не хочется терять старое уютное слово «провинциал» (не «регионалы» же мы). В-третьих, провинциальность бывает разная: одну нужно выдавливать из себя по капле, другую – беречь и культивировать. Эта вторая провинциальность – не пустота, а наполненность.

О существовании Кондопоги мы узнали после межнациональной поножовщины. О существовании Краснокаменска – после отправки туда по этапу зэка Михаила Ходорковского. О существовании Светлогорья – после остановки вольфрамового комбината. О существовании Териберки – после фильма Звягинцева «Левиафан»...

Страна подобна человеку, не подозревающему о наличии того или иного органа, пока этот орган не заболит. Когда болит, забывшаяся страна начинает заново узнавать саму себя, вспоминать о том, что есть в ней и такие места – разные, интересные, замечательные. Что не только в столицах и даже не только в городах живут люди. Что у этих нестоличных людей не только такое же тело, но такая же душа, такие же мысли, чувства.

Раньше за расширение географических представлений отвечала литература. Сегодня она переместилась на периферию, перестав быть полем всеобщего интереса. Кино, оставшись искусством более или менее массовым, слишком привязано к столицам: Владивосток снимают в Севастополе,

чукотскую тундру – в сибирской тайге³. Российское общество знакомят с периферийными территориями информгентства. Чаще всего новости – негативные: таковы законы журналистики. А дальше включается великий и могучий интернет с очередями *комментов*, шрапнелью лайков и разрывами перепостов. Жаль, конечно, что где-то должно взорваться, чтобы страна узнала о себе, но хоть так...

Между Москвой и Берлином – меньше двух тысяч километров. «Пол-Европы прошагали, пол-Земли...» – а это примерно как от Владивостока до Благовещенска, которые издалека кажутся соседями. К тому же Москва и Берлин связаны заселёнными и густо пронизанными дорогами землями. С учётом реальной преодолимости это расстояние можно снабдить уменьшающим коэффициентом, а на Дальнем Востоке применять повышающий. Но «от Москвы до Берлина» – звучит, а «от Владивостока до Благовещенска» – нет, не звучит.

Владивосток и Хабаровск считаются городами соседними. Между ними меньше восьмисот километров; по местным меркам – рядом. До Петропавловска-Камчатского от Владивостока – две тысячи с лишним, до Анадыря – три тысячи семьсот... Есть у нас такие края, откуда не то что Магадан – даже Сусуман кажется центром цивилизации.

Дело не в расстояниях как таковых, а в доступности. До

---

³ Кроме шуток, «Исаев» Сергея Урсуляка (2009), «Территория» Александра Мельника (2014).

Москвы из Владивостока добраться куда проще и быстрее, чем до Камчатки или Чукотки, куда не ведут ни автомобильные, ни железные дороги. Мне известны люди, которые из Владивостока в чукотский Певек летают через Москву – проще и быстрее. До Колымы или Камчатки из Владивостока добраться никак не дешевле, чем до Москвы. Ближе ли Приморье к Чукотке или Камчатке, чем к Москве? Не факт. В Москве дальневосточники бывают чаще, чем в «соседних» регионах: дорого, сложно, нет повода.

Всё это – наброски к ещё никем не сформулированной теории зауральской относительности. Альтернативная, русская, лобачевская, неевклидова география.

Дальневосточный километр кажется одновременно длиннее и короче европейского. Логистика разорвана: если на Чукотку нет дорог, мерить это расстояние европейским аршином бессмысленно. В Европе тысяча километров – всегда тысяча километров. В России, а на Дальнем Востоке в особенности, сто километров могут быть длиннее тысячи. Именно в силу закона зауральской относительности никому не известна точная длина Транссиба: на стеле во Владивостоке значится число 9288, на Ярославском вокзале Москвы – 9298. «Что толку, что Сибирь не остров, что там есть города и цивилизация? да до них две, три или пять тысяч вёрст!» – воскликнул Гончаров, возвращаясь сушей с охотоморского побережья в Петербург. Позже это ощущение назовут «островным синдромом» дальневосточников. «Свет мал, а Рос-

сия велика», – записал Гончаров и прибавил: «Приезжайте из России в Берлин, вас сейчас произведут в путешественники: а здесь изъездите пространство втрое больше Европы, и вы всё-таки будете только проезжий». И ещё: «Какой детской игрушкой покажутся нам после этого поездки по Европейской России!» Переваливая через Джугджур и сплавляясь по Мае, Гончаров вёл себя на удивление мужественно, не теряя ни самообладания, ни юмора: «А слава Богу, ничего: могло бы быть и хуже». Вот ответ на вопрос, как русские смогли освоить Сибирь. Даже в медлительном барине, которого напрасно путают с его героем Обломовым, обнаруживаются выносливость, смелость, известное безразличие к своей судьбе, киплингковский имперский инстинкт.

Страна Тартария

Что такое Дальний Восток, никто точно не знает.

В России под Дальневосточным федеральным округом понимают одиннадцать «субъектов федерации» – от корейской границы до американской, от Ледовитого океана до Монголии. На Западе понятие *Far East* выходит далеко за пределы нашего ДВФО: Корея, Япония, Китай, Лаос, Филиппины, Индонезия... Но и Запад – понятие размытое, условное, ненаучное, и термин «Азиатско-Тихоокеанский регион» всяк понимает по-своему, то ограничивая его восточными берегами Евразии, то присовокупляя некоторые сухопутные азиатские государства, северо- и южноамериканское побережья и весь Тихий океан.

Дальний Восток не так уж давно обособили, выделив из Восточной Сибири. В 1885 году в Петербурге вышло исследование географа Франца Шперка «Россия Дальнего Востока»; в 1908-м естествоиспытатель Николай Слюнин опубликовал работу «Современное положение нашего Дальнего Востока»; год спустя при царском правительстве появился Комитет по заселению Дальнего Востока... но по-настоящему этот термин утвердился и распространился уже в советский период.

Тихоокеанский флот в его досоветском изводе именовался Сибирской флотилией, притом что базировались кораб-

ли сначала в Николаевске-на-Амуре, а затем во Владивостоке. Муравьев-Амурский, штаб-квартира которого располагалась в Иркутске, назывался генерал-губернатором Восточной Сибири; отдельное Приамурское генерал-губернаторство с хабаровской штаб-квартирой появится позже. Браконьеры Джека Лондона били котиков у «берегов Сибири» – у Камчатки и Командор. За рубежом и теперь вся зауральская Россия часто зовётся Сибирью, амурский тигр – сибирским⁴ и так далее; как будто вся Россия состоит из Москвы, Петербурга и – Сибири.

Возможно, так оно и есть; да и в самой России ещё в начале XX века вся восточная необъятность именовалась Сибирью. Даже в 1940-х географ и писатель Владимир Обручев называл остров Врангеля между Восточно-Сибирским и Чукотским морями «далёкой Сибирью». В 1920-х его же герои говорили: «Будем ли мы строить в России, Туркестане или Сибири...», противопоставляя России не только Туркестан, но и Сибирь, даром что первый и вторая входили в состав как Российской империи, так и СССР. Пржевальский писал о возвращении с Уссури и Амура «через Иркутск в Россию». У Вересаева: «“Какая это моя Сибирь, я сам из России”, – огрызался заруганный сторож...» Под Россией порой понимали (и понимают) не только государство, но определённую географическую область – центральную Россию, историче-

---

⁴ В Северной Корее этот зверь зовётся корейским тигром в соответствии с идеологией чучхе.

скую Русь.

Термин «Дальний Восток» активно применялся в связи с полуфантомной Дальневосточной республикой, обе столицы которой находились в Забайкалье. После вливания ДВР в РСФСР на месте первой возникла Дальневосточная область, включавшая, помимо прочего, Прибайкальскую и Забайкальскую губернии, территории которых в 2000 году отнесли к Сибирскому федеральному округу. В это же время Якутия, до 1990-х не считавшаяся Дальним Востоком, попала в границы Дальневосточного федерального округа; с другой стороны, ещё в 1963 году Якутию включили в Дальневосточный экономический район.

В 2018 году в пределы ДВФО втащили Бурятию с Забайкальским краем, которые прежде относили к Сибири. Но Забайкалье осталось равным самому себе. Как раньше оно не совпадало с енисейско-обской, сердцевинной Сибирью, так теперь оно отличается от тихоокеанского Дальнего Востока. Границы федеральных или военных округов не всегда адекватны сложившимся общностям.

Мы говорим «сибирский характер», не противопоставляя при этом сибиряка русскому. «Дальневосточник» – понятие ещё более молодое, неустоявшееся; текучее, как керосин, колеблющееся, как мираж, нестабильное, как радиоактивный изотоп.

Едва ли стоит противопоставлять дальневосточников жителям других регионов России. Обобщение – всегда упроще-

ние, а значит, искажение; нужно долго всматриваться, чтобы заметить отличия, оттенки, переливы – тонкие, неформулируемые, фиксируемые каким-то шестым или седьмым органом чувств.

Определения «тихоокеанский» и «дальневосточный» нередко существуют на равных: геологический институт во Владивостоке называется Дальневосточным, географический – Тихоокеанским. Из представления о том, что «Дальний Восток» изжил себя и не соответствует ни сегодняшнему, ни тем более завтрашнему дню, родился термин «Тихоокеанская Россия». Академик, географ Пётр Бакланов считает: в словах «Дальний Восток» слышны относительность и евроцентризм. Академик, историк Виктор Ларин говорит: «Может быть, для Европы мы и дальние, но для Азии и тем более для самих себя – нет». «Дальний Восток» – это что-то далёкое на востоке; может быть, даже не совсем Россия? Морская составляющая этим термином вообще уведена за кадр: слишком долго мы считали себя сухопутным народом. Но ведь Дальний Восток – не только суша и даже не только двухсотмильная экономическая зона России, но и выход в океан. «Дальний Восток» ориентирован вовнутрь, «Тихоокеанская Россия» – вовне. Говоря о Тихоокеанской России, мы вбираем в поле зрения океан (а это – рыба, нефть, транспорт, космос...), одновременно подчёркивая российскую принадлежность территорий и акваторий. Тихоокеанская Россия – распахнутая в океан бесконечность, прочно связанная с род-

ным материком. Вместо «дали» и «востока» – Россия на Тихом океане.

Переименовывать Дальний Восток в Тихоокеанскую Россию, впрочем, было бы неправильно уже потому, что эти понятия не совпадают. Якутия – точно не Тихоокеанская Россия, скорее Сибирь; хотя и Сибирь неоднородна: Иркутск – одно, Красноярск – другое, Барнаул, Абакан, Кызыл – третье, Омск, Томск, Кемерово – четвёртое, пятое, шестое... Запад Якутии – Сибирь, восток – почти Чукотка. Две трети Колымы протекают по Якутии, но столицей «Колымского края» называют Магадан, стоящий на Охотском море, которое не имеет отношения к бассейну текущей на север Колымы.

В здешних долготах слова склонны обретать новые значения – тот же «материк», как здесь зовут остальную Россию. Колыма – не только река, как Трасса – не только сама двухтысячекилометровая дорога от Магадана до Якутска, а территория, сообщество, образ жизни...

Возможно, имеет смысл говорить о Дальневосточном федеральном округе в контексте внутреннего административного деления страны и о Тихоокеанской России как о планетарной геополитической категории.

Или же мне напрасно слышится в «Дальнем Востоке» некая пренебрежительность? Может, всё наоборот: не просто север, а крайний, не просто восток, а дальний, примерно как «гвардии капитан»?

Географическая реальность зыбка и переменчива уже в силу того, что даже геологическая история (не говоря о социально-политической) продолжается. Живя по инерции в старых координатах, мы по-прежнему считаем, что граница Европы и Азии проходит по «Камню» – Уральскому хребту, хотя Европа уже давно дошла до Тихого океана. Владивосток – передовой пикет Европы. Это где-то далеко на западе мы, дальневосточники, можем показаться кому-то азиатами; в настоящей Азии сразу чувствуешь себя европейцем. Граница между Европой и Азией условна, как условны сами эти понятия. Что такое Европа, как не далёкая западная окраина Азии? Географические границы давно не соответствуют культурным, не говоря о том, что и о последних можно спорить.

Подлинный хребет России – не Урал, а рукотворный Транссиб, ниточка жизни в горно-таёжно-степной бесконечности. Железный каркас, держащий мышцы страны и передающий по вязи нервов сигналы. Эта длиннейшая в мире магистраль – двойного или тройного назначения, как и весь Дальневосточный регион.

«Как без посещения Мекки нельзя быть настоящим мусульманином, так, не проехав из столицы до Дальнего Востока, нельзя будет называться подлинным русским», – писал в 1892 году Александру III министр путей сообщения, будущий премьер Витте, при котором в российских поездах появились металлические подстаканники. По моим наблю-

дениям, проехать по всему Транссибу чаще всего мечтают москвичи или иностранцы. Для дальневосточников и сибиряков это не экзотика, а средство передвижения: надо ехать – едешь, не видя особой романтики в многодневной тряске.

Мы делаем ошибку, считая Дальний Восток чем-то однородным, единым. Когда по телевизору говорят: «На Дальнем Востоке завтра будет преобладать (какая-нибудь) погода...» – это смешно. Это всё равно что: «Над всей Европой безоблачное небо». Дальний Восток не только невообразимо огромен, но дико разнороден: как можно сравнивать маньчжурские субтропики Приморья, бамбуково-лианный Сахалин и ледовитое побережье Чукотки?

На всей этой гигантской, почти с Австралию, территории – всего несколько относительно крупных (ни одного миллионника) городов.

Дальний Восток – насквозь условный термин, под которым можно понимать что угодно. Как единая общность он существует только на карте или в чиновничьем воображении. Это разноплановая, пёстрая, лоскутная вселенная, искусственно сведённая воедино. Восточный макро- или мекрорегион – чуть не половина площади России с набором климатических зон от арктической до субтропической, двумя океанами, несколькими морями, великими реками⁵, конти-

---

⁵ Писатель Евгений Петров заметил в очерке 1937 г.: «На Дальнем Востоке всё удивительно и громадно. Река Горюн, едва ли известная даже учителям географии, при впадении в Амур достигает ширины Днепра» (правильное название – Горин).

ментальной бесконечностью, букетом народов и культур – от заполярных эскимосов до родственных монголам бурятов.

Здесь свободно поместилась бы целая часть света, несколько великих государств, два-три цивилизационных гнезда вроде Междуречья или Средиземноморья.

Живут на этих 40 % площади России всего 8,2 млн человек – чуть больше 5 % населения.

Если в остальной России неблагоприятные для проживания территории занимают 36 %, то на Дальнем Востоке – 81 %.

Чукотские Анадырь, Уэлен, Певек – крайние север и восток России и всей Евразии. Остров Фуругельма у берегов Приморья – самый южный в России. Вот заявочные столбики, вбитые когда-то по углам материка русскими *старателями*.

Дальний Восток похож на архипелаг: слишком далеки даже друг от друга, слишком малы и немногочисленны здешние человеческие поселения и слишком мало между ними дорог. Это ведь только с точки зрения формальной географии Магадан и Париж принадлежат одному материку; Колыма представляется отдельной планетой.

Если лучший образ для постижения Сибири – её великие реки и Байкал (чистота, холод, сокровища), то наиболее подходящий образ для понимания Дальнего Востока, – Курильские острова – далёкие и малонаселённые, извергающиеся и колыхающиеся, оспариваемые и прекрасные, оторванные от

метрополии и друг от друга.

Дальний Восток – Архипелаг Джетлаг.

Когда не было Дальнего Востока, была Сибирь. Это магическое слово; такие слова нельзя объяснять или переводить – в них надо погружаться, постигать их, приобщаться и восходить к ним. Сибирь непостижима – это не *Sibir* и не *Siberia*. Евразийская (только в России очевидно, что противопоставление Европы и Азии не имеет смысла), грозная (тоже непере译имое слово; когда Ивана Грозного называют *Ivan the Terrible*, выходит пошло), бесконечная, таинственная.

Ещё раньше была Тартария. Так европейцы именовали всё, что лежит далеко на востоке, от Каспия до Тихого океана. Рудиментом этой странной топонимической практики остался Татарский пролив между Сахалином и материком, не имеющий никакого отношения к татарам и Татарстану. В Тартарии слышатся и бездонный Тартар, и потусторонние тартарары. Тартария – нечто дикое, жуткое, почти преисподнее, откуда приходят орды варваров. Татарами европейцы звали чуть не все казавшиеся им дикими народы.

Берегом Тартарии в 1787 году прошёл Лаперуз, от которого Приморью остался топоним Терней, Сахалину – Монерон и Крильон. По-французски Дальний Восток – *Extrême-Orient*. Мы – экстремальные ориенталисты.

Английский врач Джон Тронсон, оставивший записки о восточном походе корабля «Барракуда» в 1854–1856 годах, во время Крымской войны, тоже определял побережье ны-

нешних Хабаровского и Приморского краёв как Тартарию (*Tartary*). Чехов в «Острове Сахалине» упоминает «татарина-магзу» – речь о «манзе», как называли живших на Дальнем Востоке китайцев (точнее – маньчжур).

До Тартарии добрался даже Робинзон Крузо, обуянный на старости лет тягой к перемене мест. Побывав в Индии и Китае, он в самом начале XVIII века возвращался домой через Забайкалье и Сибирь. Политкорректности не знали ни Дефо⁶, ни его герой; азиатов и московитов Робинзон считал людьми второго сорта. Китайцы показались Крузо «презренной толпой или скопищем невежественных грязных рабов, подвластных достойному их правительству». Вот что Робинзон думал о русско-китайских отношениях: «Если бы московская империя не была почти столь же варварской, бесильной и плохо управляемой толпой рабов, то царь московский без большого труда выгнал бы китайцев с их земли и завоевал бы их в одну кампанию». О русских: «Я не мог не почувствовать огромного удовольствия по случаю прибытия в христианскую, как я называл её, страну, или, по крайней мере, управляемую христианами. Ибо, хотя московиты, по моему мнению, едва ли заслуживают названия христиан, однако они выдают себя за таковых и по-своему очень набожны».

---

⁶ Писатель Даниель Дефо считается создателем английской разведки. Существует даже версия, что он побывал в России с разведывательной миссией (как позже другой английский писатель и разведчик – Сомерсет Моэм, который в 1917 г., между Февралём и Октябрём, проехал по Транссибу от Владивостока до Петрограда, пытаясь воспрепятствовать выходу России из войны с Германией).

Ещё хуже путешественник отозвался о коренных забайкальцах – бурятах и эвенках: «Из всех виденных мною дикарей и язычников эти наиболее заслуживали названия варваров, с тем только исключением, что они не ели человеческого мяса, как дикари в Америке». Близ Нерчинска Крузо присутствовал при жертвоприношении и без долгих размышлений расчленил саблей деревянного идола. Едва спасшись от «дикарей», просвещённый англичанин затем вернулся и сжёг этого самого идола (как не вспомнить формулировку Константина Леонтьева 1888 года: «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения»), предварительно связав молившихся, чтобы те видели гибель своего божества. Так турист Крузо приобщал к европейским ценностям диких россиян, чтобы они не оскорбляли его религиозных чувств. Интересно, что примерно за полвека до этого здесь же, в Забайкалье, принесение барана в жертву наблюдал протопоп Аввакум, отметив в «Житии...»: «Ох, душе моей тогда горько и ныне не сладко!» Если бы наши аввакумы и их начальники-воеводы вели себя подобно робинсонам, не было бы сегодня в Бурятии ни буддизма, ни шаманизма.

Книга о Крузо в Сибири говорит о психологии захватившего полмира европейца: конкистадора, крестоносца, экспансиониста. Она даёт ответ на мучивший Высоцкого вопрос о том, почему аборигены съели Кука. Вот только кто после этого дикарь?

Если бы это относилось только к прошлому и к иностран-

цам; есть ощущение, что модная ныне политкорректность – декорация, а в главном отношении людей Запада к людям Востока и вообще чужакам – от Сербии и Ливии до Ирака и Сирии – осталось прежним. Более того, даже для многих соотечественников зауральская Россия до сих пор остаётся почти такой же Тартарией, как для героя Дефо.

Дорога на Океан

К XVII веку стало ясно, что России некуда идти, кроме как на восток. Балтику контролировали шведы, Черноморье – турки. Россия продолжала уточнять свои границы на западе, севере и юге, но это уже не могло перевести страну в новое качество: ещё один пролив, ещё один полуостров, ещё одна провинция... Европа была занята развитыми агрессивными народами.

Оставался один путь – на восток. Там лежал материк Сибирь, и это определило судьбу России, сделало её самой собой. Без Сибири Россия рисковала остаться рядовой европейской державой.

Глядя на карту мира, не могу понять, где в европейских странах помещается провинция. Есть ли она там вообще – или только пригороды столиц? Настоящая провинция может быть в России, или Америке, или Китае, или Бразилии...

У европейских стран Сибири не было, и самые активные из них – Испания, Португалия, Голландия, Англия, Франция – искали себе колонии в Африке, Азии, Америке, на Тихом океане.

Англичане нашли свою Сибирь в Северной Америке, и она стала таким же полигоном для Европы, как Сибирь для России.

Во внутриамериканской системе координат с Дальним Во-

стоком корректнее сравнить не Калифорнию, развитый *West Coast*, а Аляску – далёкую, оторванную, суровую, тем более что она успела побыть частью русского Дальневосточья вместе с Северной Калифорнией, включая крепость Росс, *Russian River* (бывшая река Славянка) и бухту Бodega (она же – порт Румянцева) – место съёмок хичкоковских «Птиц». Вплоть до 1840-х Калифорния жила под русским флагом на севере, испанским и мексиканским на юге; только в 1850 году, после начала золотой лихорадки и наплыва старателей на западное побережье, Калифорния стала 31-м американским штатом.

Если на Дальнем Востоке возникло новое значение слова «материк», то аляскинцы придумали для остальных Штатов прозвище *Lower 48* – «нижние 48».

Американские старожилы гордятся предками, прибывшими в Новый Свет на «Мэйфлауэре» в 1620 году. История российского ДВ (аббревиатура разворачивается и в «Дикий Восток») началась примерно в те же годы.

Современники порой ведут себя так, как будто до них ничего не было. Читая записки перво- да и непервопроходцев, испытываешь трепет, осознавая: вот то, что больше тебя; ты не явился ниоткуда. Невидимая часть айсберга – не значит несуществующая; сколько огромной работы было до нас – и для нас! – переделано. А мы всё топчемся, пытаюсь заново сформулировать то, что было давно понято и много раз сказано.

Чтобы история не закончилась нами, нужно быть соразмерными тем, кто жил до нас. Нам не оставлено выбора – и, может быть, в этом счастье и свобода.

...Удивительный, невероятный XVII век: за какие-то столетия, при жизни одного поколения, казаки-землепроходцы (какое тяжёлое слово, как будто речь идёт о проходке шахт – но примерно так и было) одолели Сибирь, выйдя к двум океанам и шагнув на Американский континент – за век до образования США. В 1581 году Ермак, двинувшись на восток, только-только оттолкнулся ногой от Урала, а полвека спустя отряд Москвитина, преодолев несколько тысяч километров дикой тайги и гор, вышел к краю континента. Именно тогда Россия стала самой обширной страной в мире – и остаётся таковой три с лишним века. Российский историк Иоганн Фишер в «Сибирской истории», изданной в 1774 году, писал: «Греция, Рим, Старый и Новый Свет могут гордиться и хвалиться своими героями, сколько хотят, но не знаю, отважились бы они на то, что сибирские герои Буза, Перфильев, Бекетов, Дежнёв, Нагиба, Хабаров, Степанов и многие ещё другие действительно чинили... И удалось бы им покорить через 80 лет не только восьмую часть земли, да при том ещё неудобнейшую и опаснейшую, где голод и стужа вечно имеют своё жилище, но и утвердить, то есть удержать её, эту землю, за собой». Герцен восхищался: «Горсть казаков и несколько сот бездомных мужиков перешли на свой

страх океаны льда и снега, и везде, где оседали усталые кучки в мёрзлых степях, забытых природой, закипала жизнь, поля покрывались нивами и стадами, и это от Перми до Тихого океана».

Темп, взятый казаками, поражает и сейчас, в эпоху самолётов и интернета.

Несколько дат:

1632 – Бекетов строит Ленский острог (будущий Якутск).

1639 – Москвитин ставит зимовье на берегу Охотского моря, в устье реки Ульи. Несколько изб, окружённых рвом и изгородью из заострённых бревен, стали первым русским поселением на Тихом океане.

1641 – Стадухин идёт на Индигирку и Колыму, закладывает Нижне-Колымский острог.

1643 – Поярков идёт на Амур.

1647 – Шелковников закладывает Охотск, один из старейших городов Дальнего Востока, до середины XIX века – главные ворота России в Тихий океан. Отсюда двинутся дальше на восток, к Америке, – Беринг, Шелихов, Баранов... До Петербурга оставалось ещё полвека, а Охотск уже существовал.

1648 – из устья Колымы идут на восток, вокруг Чукотки, кочи Дежнёва. Первыми из европейцев дежнёвцы проходят проливом, который позже получит имя Беринга, и строят острог на реке Анадырь.

1649 – на Амур идёт Хабаров (уроженец – как и Дежнёв, Атласов, Шалауров, Бахов – Великого Устюга).

Подчиняет дауров. Русские начинают обживать Амур: здесь появляются Албазинский и Нерчинский остроги.

1655 – казак Онуфрий Степанов добирается до севера нынешнего Приморья, исследует Уссури и её притоки.

1697 – Атласов присоединяет к Якутскому воеводству Камчатку. Этот процесс сопровождался многочисленными стычками с аборигенами. Именно эпизоды этих сражений выписывал Пушкин, назвавший Атласова «камчатским Ермаком», в последние дни своей жизни из монографии Крашенинникова «Описание земли Камчатки».

Единственным народом, не побеждённым русскими в бою, считаются чукчи. Ратники, уже покорившие Сибирь, да и Европе себя показавшие, не смогли одолеть их, несмотря на технологическое превосходство. Есть даже версия, что анекдоты про чукчей – компенсаторная реакция на этот факт. В самом деле, народов в России много, но на роль анекдотического выбрали почему-то именно чукчей. Правда, среди анекдотов были всякие, чего стоит тот, где чукча, обучая сына охоте, убивает геолога и поясняет: «Спички». Или другой – тоже про невезучего геолога: чукча приносит в милицию голову человека, представившегося «начальником партии»... Русские называли чукчей «писаными рожками» – те татуировали лица, как индейцы Купера. Трудно найти более небуржуазный народ. Отважное меньшинство, северные пассионарии, отморозенный арктический спец-

наз, дикая дивизия заполярных Давидов, защищающих свою Брестскую крепость, народ, который не смогли победить русские, – одним этим (и ещё уникальным опытом выживания в условиях, которые можно определить как «гипертрофированная Россия») чукчи застолбили себе надёжное место в истории человечества.

Воеводам приказывали «приводить иноземцев под высокую государеву руку... ласкою, а не жестокостью» – не сравнить с историей заселения Нового Света. Герцен писал: «Соединённые Штаты, как лавина, оторвавшаяся от своей горы, прут перед собою всё; каждый шаг, приобретённый ими, – шаг, потерянный индейцами. Россия понимает кругом, как вода, обходит племена со всех сторон». Когда в XIX веке на средний и нижний Амур пришли русские солдаты, это были вежливые люди. Как писал географ, офицер Михаил Венюков, это «не были нашествия русских войск с целью кого-либо разгромить или покорить оружием, как на Кавказе или потом в Туркестане». Николай I требовал: «Чтобы на Амуре порохом не пахло». Войска, пишет Венюков, «брались на всякий случай, а главное – как рабочая сила для водворения русских оседлостей». И если приходилось с оружием в руках защищать новые владения, то не от китайцев и тем более не от аборигенов, а от европейцев – например, во время Крымской войны.

Пост Владивосток заложили солдаты – три десятка парней при прапорщике Комарове и одном десантном орудии.

Комендант поста в 1861–1863 годах Бурачѣк писал: коमारовские сооружения «чрезвычайно отчётливы», потому что с 1854 года «почти все первые постройки по Амуру» произведены теми же самыми солдатами 4-го Восточно-Сибирского линейного батальона. Это были не столько бойцы, сколько стройбатовцы, колонисты.

Позже, в советское время, курс был сохранён: культбазы, медицина, образование, создание письменности на национальных языках... Канадский писатель, этнограф, эколог Фарли Моуэт, в конце 1960-х дважды побывавший в СССР (Москва – Иркутск – Якутск – Магадан), с удивлением отмечал: в Якутске выходит до пятидесяти оригинальных книг местных авторов в год, многие из них переводятся на русский (и наоборот). Увидев, что большинство местных художников, писателей, журналистов – якуты, эвенки и юкагиры, Моуэт признался: «Не могу себе представить даже отдалённо сопоставимую картину в Америке». В Институте мерзлотоведения отметил: из четырнадцати завлабов восемь – *natives*, включая трёх женщин. Признавался журналу «Вокруг света»: «Хочу вызвать зависть у канадцев, рассказав им о том, что сделал для своих северных народов Советский Союз».

Вернёмся в XVII век, в конце которого Россия обожглась на Амуре. Границы Китая проходили гораздо южнее, но его власти (с 1644 года в Пекине воцарилась маньчжурская династия Цин) решили притормозить освоение русскими При-

амурия. После ряда стычек и осады Албазина было решено провести границу по Горбице и Аргуни, Аргунский острог перенести, Албазинский срыть. Таков смысл подписанного в 1689 году Нерчинского договора; он был невыгоден для России, которой пришлось уйти со среднего Амура, сохранив лишь верхний. Нижний Амур был слабо знаком обеим сторонам, в связи с чем разграничение данной области отложили до «иного благополучного времени». Именно этот пункт, отмечал позже Невельской, оставил России «полное право на возвращение от Китая Амурского бассейна».

А пока пришлось, на время бросив южные пути, торить северные. «Приамурский край для нас как бы не существовал, – писал Невельской о том времени. – Сопредельное же с ним Забайкалье сделалось местом ссылки и было для нас только грозою и каким-то ледяным чудовищем, при воспоминании о котором трепетали в Европе... Между тем народонаселение Сибири возрастало; пути, ведущие в неё из Европейской России, населялись и улучшались. Владения наши более и более распространялись от Якутска к северо-востоку».

Ещё несколько дат:

1711 – Анциферов и Козыревский идут на Курилы, где узнают: японцам запрещено бывать севернее Хоккайдо, а курильчане – айны – независимы от Японии.

1725 – Пётр I, которого мы привыкли считать

западником, перед смертью успеваает снарядить Первую Камчатскую экспедицию Беринга и Чирикова.

1731 – создаётся Охотская военная флотилия.

1732 – бот Фёдорова и Гвоздева «Св. Гавриил» бросает якорь у берегов Аляски.

1733 – начинается Вторая Камчатская экспедиция.

1740 – основан Петропавловский острог.

В конце XVIII века на Урупe, одном из Курильских островов, возникает первое постоянное русское поселение – Курилороссия.

Якутия, ещё вчера восточный форпост, превратилась в глубокий тыл России, которая, разогнавшись, ушла настолько далеко на восток, что пришла на Запад – опять же с тыла.

Русские всё чаще вспоминали об утраченном Приамурье. «Всё необъятное левое побережье Амура и берег Тихого океана, вплоть до залива Петра Великого... в течение двух столетий манили сибиряков», – писал Пётр Кропоткин, географ и революционер-анархист.

В ломоносовской «Оде на день восшествия на Всероссийский престол Её Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны» 1747 года, разобранной на цитаты (от «Науки юношей питают...» до «...быстрых разумом Невтонов»), есть и такие слова:

...Где солнца всход и где Амур
В зеленых берегах крутится,
Желая паки возвратиться

В твою державу от Манжур.

Речь идёт о пересмотре Нерчинского договора. Воплотить вербализованное Ломоносовым пожелание удалось лишь век с лишним спустя.

В той же оде Ломоносов пишет:

...Колумб российский через воды
Спешит в неведомы народы...

Освоение востока он сравнивает с открытием Америки. Но русские и в прямом смысле слова открыли Америку, придя в неё с запада. Дальний Восток – наш Новый Свет. Если Новая Англия, отделившись от старой, превратилась в США, то Россия выросла, сохранив цельность и оставшись собой. Или даже так: по-настоящему став собой, найдя себя⁷.

Слова Ломоносова о том, что могущество России будет прирастать Сибирью, чаще всего цитируют в усечённом виде. Они взяты из интереснейшей работы 1763 года «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию». В ней Ломоносов обосновал возможность и необходимость открытия Северного морского пути⁸. «Рос-

---

⁷ В.Я. Брюсов «К Тихому океану»: Вот чего ждали мы, дети степей! Вот она, сродная сердцу стихия! Чудо свершилось: на грани своей Стала Россия.

⁸ В этой же работе Ломоносов предполагал наличие островов к востоку от Шпицбергена. Позже Пётр Кропоткин на основе теоретических расчётов пред-

сия... простерла свою власть до берегов Восточного океана... но как за безмерною дальностию для долговременных и трудных путей сила ея на востоке весьма укоснительно и едва чувствительно умножается, так и в изыскании и овладении оных земель и в предприятии купеческого сообщения с восточными народами нет почти больше никаких успехов», – писал он, доказывая, что проблемы решит «морской северный ход». Это Ломоносов утверждал ещё до нынешнего потепления, когда ледовая шапка Земли стала шагреневато сжиматься, освобождая всё больше путей для движения (в том числе безледокольного) сухогрузов, танкеров, газозов. В конце – знаменитые слова: «Российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном и достигнет до главных поселений европейских в Азии и Америке». Под Сибирью, понятно, Ломоносов подразумевал всё пространство от Урала до Тихого океана.

О том же он писал и стихами, вкладывая в уста первого русского императора такие слова (поэма «Пётр Великий», 1756–1761):

Лишает долгий зной здоровья и ума,

сказал открытие в Ледовитом океане Земли Франца-Иосифа, обнаруженной австро-венгерской экспедицией Карла Вайпрехта и Юлиуса Пайера в 1872–1874 гг., а также Северной Земли (первоначально – Земля Императора Николая II), найденной в 1913 г. Борисом Вилькицким. В царской и советской России не раз поднимался вопрос о переименовании архипелага, получившего имя австро-венгерского императора Франца Иосифа I, в Землю Романовых, Землю Кропоткина или Землю Нансена.

А стужа в севере ничтожит вред сама.
Сам лед, что кажется толь грозен и ужасен,
От оных лютых бед даст ход нам безопасен.
Колумбы росские, презрев угрюмый рок,
Меж льдами новый путь отворят на восток,
И наша досягнет в Америку держава...

Широко мыслил Ломоносов.

Как понять, объяснить это великое стремление на восток, в неизведанные земли, при отсутствии связи и дорог? Слово «романтика» было ещё не в ходу. Шли за землёй? За свободой? Подальше от начальства – и одновременно чтобы выслужиться? В обетованное Беловодье? За соболем, как американцы за золотом?

Именно соболь должен был стать тотемным зверем русских. В освоении Сибири, то есть в становлении современной России как таковой, он сыграл гигантскую роль. А дальше, на Тихом океане, обнаружили морские котики и каланы, которые довели русских до Америки. Пушнина, «мягкая рухлядь», была для России тем же, чем сейчас является газ, – валютоёмким экспортным ресурсом. Нужно ставить памятники соболю – имперообразующему зверю, который сподвиг наших предков ещё в XVII веке дойти до оконечности евразийского материка. Но соболю не досталась даже малая часть культа, каким окружён медведь.

Что нам на самом деле медведь? Прочно прописавшийся в русском фольклоре, он никогда не был для нас тем, чем

для северных народов были олень или морж. Не говоря о том, что медведь – символ слишком затёртый, общеевропейский: и Берлин, и Берн названы в его медвежью честь. Неразборчив в еде, неуклюж, спит зиму напролёт... Соболь – совсем другое дело. Изящный, хищный, юркий, он «сделал» несколько русских веков.

Или же не в пушнине дело, а в экспансионистском инстинкте («Чтоб от Японии до Англии сияла родина моя», – сформулирует позже Павел Коган)? Может быть, империя в силу самой своей природы расширяется, подобно газу, занимая весь возможный объём?

Едва ли стоит объяснять русскую экспансию на восток исключительно сободем, как это делают западные авторы. Канаде, допустим, не помог и соболев: её освоили лишь по узкой полоске вдоль южной границы.

Предки наши как будто знали, что земли много не бывает. Что на ней и в ней обнаружится то, чему пока не было ни применения, ни порой даже названия, – от нефти до урана. Что в её реках и снегах будут вязнуть пришельцы с запада, а на необъятном пространстве можно будет строить города и космодромы, искать золото и алмазы, создавать тылы, куда можно будет отступать и где можно будет готовить непобедимые резервы.

Если Ермаки, Атласовы, Дежнёвы, Хабаровы этого не знали, то чувствовали.

Дежнёвым XX века стал Гагарин.

Чаадаев: «У каждого народа бывает период бурного волнения, страстного беспокойства, деятельности необдуманной и бесцельной. В это время люди становятся скитальцами в мире, физически и духовно. Это – эпоха сильных ощущений, широких замыслов, великих страстей народных. Народы мечутся тогда возбуждённо, без видимой причины, но не без пользы для грядущих поколений. Через такой период прошли все общества. Ему обязаны они самыми яркими своими воспоминаниями, героическим элементом своей истории, своей поэзией, всеми наиболее сильными и плодотворными своими идеями».

В Америке имперский инстинкт назван *Manifest Destiny*, по-русски – «Доктрина предопределённой судьбы» или «Явное предназначение». Термин ввёл в 1845 году Джон О’Салливан в статье «Аннексия», доказывая, что Штаты должны простирались от Атлантики до Пасифики. Концепцию *Manifest Destiny* использовали для обоснования войны с Мексикой и присоединения западных штатов. Порой термин применяется и сейчас для объяснения или оправдания внешней политики США.

Русских и американцев вёл к дальним берегам один могучий инстинкт – в этом смысле мы удивительно похожи. Очевидна неизбежность противостояния США и СССР в XX веке: два мировых полюса, два образа будущего, два мессианских сознания. Формально атеистический, СССР на деле был государством религиозным, вооружённым доктри-

ной коммунизма. Внеидеологичные, казалось бы, США исповедуют религию нового времени и типа, догматы которой – «рынок», «демократия», «общечеловеческие ценности», «свобода», «права человека». Америка ориентировалась на Римскую империю, что отразилось в названиях вроде «Капитолий», в России бытовала концепция Москвы как Третьего Рима. Россия шла на восток, Штаты – новая Европа – на запад; когда глобус закончился, страны встретились на Аляске, давшей жизнь невозможному, казалось бы, термину «Русская Америка» и утвердительный ответ на вопрос: «Может ли Россия стать Америкой?» Россию и Америку разделяет (или объединяет) непостижимая линия перемены дат, где сегодняшний день становится вчерашним, а завтрашний – сегодняшним. С разгона выплеснувшись за пределы материка, русские затормозили только в Калифорнии. Аляска стала нашим сверхдальним востоком; в XIX веке Россия вернулась в Евразию, как бы согласившись с рамками своего континента, данными выше.

Мы живём на Дальнем Востоке три с половиной века, на его юге – больше полутора веков. Здесь уже в несколько слов лежат русские кости.

Большая игра

Как ни странно, история освоения Россией Дальнего Востока – хроника соперничества не с Азией, а с Европой, не с «жёлтой», а с «белой» опасностью. Следует понять парадоксальную логику истории: Россия была вынуждена двинуться на восток, чтобы защитить себя от Запада. Угроза с запада вынуждала Россию скорее столбить восток, освоение дальнего Зауралья подстёгивалось европейским колониализмом. Именно к этим выводам приходишь, читая труды первопроходцев, моряков, географов. У них, кстати, обычно прекрасный язык – внятный, неторопливый, образный. Их записки росли из того же корня, что старинные былины и песни, стихи и романы нового времени.

Гораздо позже Россия столкнулась с Японией, преодолевшей свой изоляционизм. Интересы русской и японской империй пересеклись в Корее и Китае, ставших заложниками большой геополитической игры. Япония, стремительно вестернизовавшаяся, шагнула на материк⁹ и сумела в 1905

---

⁹ В «Трёх разговорах» Владимира Соловьёва (1899) г-н Z читает «краткую повесть об Антихристе» – антиутопию, в которой говорится: «Подражательные японцы, с удивительной быстротой и успешностью перенявши вещественные формы европейской культуры, усвоили также и некоторые европейские идеи низшего порядка. Узнав из газет и из исторических учебников о существовании на Западе панэллинизма, пангерманизма, панславизма, панисламизма, они провозгласили великую идею панмонголизма, т. е. собрание воедино, под своим главен-

году одолеть Россию.

Историю последних полутора-двух веков можно рассматривать как постоянные попытки Европы подавить Азию – в военном, экономическом, культурном смысле: «опиумные войны» и совместные полицейские операции Запада против Китая; появление многочисленных восточных колоний Европы; принуждение Японии к открытию и резкая ответная реакция в виде лозунга «Азия для азиатов» и экспансии на материк.

Именно Япония – единственная азиатская держава, с которой Россия воевала по-настоящему и которую вплоть до начала XX века Запад не рассматривал всерьёз.

Её разгром в 1945 году Советским Союзом и Америкой стал очередной победой Европы над Азией.

С другой стороны, Япония к тому времени стала «азиатским Западом», оккупировав Корею, часть Китая и другие территории, войдя в состав «оси» вместе с фашистскими Италией и Германией, превратившись в тихоокеанскую версию Третьего рейха (и одновременно – восточный вариант Британии, учитывая островное положение метрополии, колониализм и даже правый руль) и вместе с ним потерпев

ством, всех народов Восточной Азии с целью решительной борьбы против чужеземцев, т. е. европейцев... Они приступили к осуществлению великого плана – сперва занятием Кореи, а затем и Пекина, где они с помощью прогрессивной китайской партии низвергли старую маньчжурскую династию и посадили на её место японскую». Соловьёв, как видим, угадал вектор японской внешней политики первой половины XX века.

крах.

Разделив чуть не весь мир, Европа устремилась к последним неразграниченным терри- и акваториям – на Тихий океан.

Прозорливый Ломоносов в упомянутой работе 1763 года писал: на Курилах, где «климат как во Франции», можно «завести поселения, хороший флот с немалым количеством военных людей, россиян и сибирских подданных языческих народов». Флот этот будет защищать Россию не от Китая или Японии – от Европы: «Против коей силы не могут прочие европейские державы поставить войска ни севером, ни югом... Таким образом, путь и надежда чужим пресечется».

В 1778 году Кук дошёл до Чукотки и Аляски. На Алеутах перерисовал у русских промышленников карту Беринга.

Лаперуз в 1787 году гостил на Камчатке у командира здешнего гарнизона прапорщика Хабарова.

Вовсе не случайно на рубеже XVII и XVIII веков Дальний Восток посетили знаковые персонажи западной литературы – Робинзон Крузо, побывавший в Китае и Забайкалье, и Лемюэль Гулливер, достигший Японии, которая в ту пору казалась европейцу не менее фантастической, нежели Глаббдобдриб или Лапута, и поэтому единственная из реально существующих стран перечислялась в этом сказочном ряду (вот и наш Гончаров назвал Японию «тридесатым государством»).

«Они приходят туда со скромною целью исследования...

но вместе с тем, в случае благоприятных условий для плавания в этих местах, имеют заднюю мысль водворить там своё владычество», – писал о восточных походах француза Лаперуза и британца Броутона адмирал Невельской.

В XIX веке исследования перешли в передел. Шла глобализация – слова ещё не было, а понятие уже было. «Деятнадцатый век есть век окончательного раздела земной суши между большими народностями. Кто сделает в этот век ошибку, тот не поправит её потом долго и будет страдать от того», – писал Венюков. В работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» Ленин цитирует французского историка Эдуара Дрио: «Все свободные места на Земле, за исключением Китая, заняты державами Европы и Северной Америки... Приходится торопиться: нации, не обеспечившие себя, рискуют никогда не получить своей части и не принять участия в той гигантской эксплуатации Земли, которая будет одним из существеннейших фактов следующего (т. е. XX) века».

Европейские державы ринулись к Тихому. На кону стояли очертания политической карты мира на века вперёд.

Англичане, чтобы подчинить Китай, придумали гениальную, как им, должно быть, казалось, идею: «опиумные войны». Порты Китая стали европейскими колониями и плацдармами: Гонконг – английским, Макао – португальским, Циндао – немецким. Англия окопалась на Индостане и в Сингапуре, Франция – в Индокитае...

Не стань Приморье российским, оно рисковало стать не китайским, но английским, французским или американским. Чтобы не отставать от Европы и защитить от неё восточные рубежи, Россия вспомнила о потерянном Приамурье.

О глобализации середины XIX века – «Фрегат “Паллада”» Гончарова, который отправился в поход 1852–1855 годов как секретарь адмирала Путятина. Главной задачей Путятина было завязать связи с Японией, тогда сверхзакрытой и непонятной. С той же целью в Японию отправился американский коммодор Перри.

Одновременно решались другие задачи: выяснялись очертания берегов, изучалось население, просчитывались варианты войн и приобретений...

Пытаясь понять психологию «крайневосточных» народов, Гончаров многое сообщает о представлениях своих современников. Сам европеец, он смотрит на Японию едва ли не конкистадорски: «А что, если б у японцев взять Нагасаки?» – сказал я вслух, увлечённый мечтами... “Они пользоваться не умеют”, – продолжал я». Японцев он сравнивает с детьми, американцев и русских – со старшими, которые должны «вливать в жилы Японии те здоровые соки, которые она самоубийственно выпустила... из своего тела и одряхлела в бессилии и мраке жалкого детства». Гончаров допускал насильственный характер такого вливания: «Надо поступить по-английски, то есть пойти, например, в японские порты,

выйти без спросу на берег, и когда станут не пускать, начать драку, потом самим же пожаловаться на оскорбление и начать войну»; ни слова о морали или международном праве. «Если падёт их система, они быстро очеловечатся», – писал Гончаров о японцах. Отметим это «очеловечатся»: народы, не ставшие на единственно верный с точки зрения европейца путь, выводятся за рамки человечества. О корейцах Гончаров пишет: они должны сделать «неизбежный шаг к сближению с европейцами и к перевоспитанию себя». Перевоспитываться должны все, кроме самих европейцев; азиаты для них – не совсем люди, не субъекты истории. Раз Азия спит, Европе должно вмешаться – для блага самой же Азии.

Европа выступала в роли насильника. Торговля, которой она добивалась, походила на грабёж. Перед глазами японцев был пример Китая, где Англия с 1840-х вела «опиумные войны», добиваясь свободного ввоза наркотиков, которые она производила в Индии, в Поднебесную – в обмен на китайский чай, шёлк, фарфор... Это была, говоря сегодняшним языком, наркоторговля под крышей государства, «подсадка» целой нации на наркотики, эскиз современного мирового наркотрафика.

Открытие китайских портов для Англии привело к восстанию тайпинов 1850–1864 годов против иностранного влияния. Подавлять его китайским властям помогали Англия, Америка, Франция. Меньше чем через полвека вспыхнет антизападное Боксёрское восстание, которое снова будет

подавлять Европа, включая и Россию.

По поводу «опиумных войн» и вообще британской восточной политики Гончаров высказывается резко: «Они не признают эти народы за людей, а за какой-то рабочий скот... На их же счёт обогащаются, отравляют их, да ещё и презирают свои жертвы!» О британцах: «Бесстыдство этого скотолобивого народа доходит до какого-то героизма, чуть дело коснётся до сбыта товара, какой бы он ни был, хоть яд!» Венюков называл то, что делала Англия в Китае, «историей грабежей на широкую ногу». «Вся английская нация, с правительством во главе, не церемонится нарушать самые общепринятые правила нравственности, чести и даже положительного закона, если ей это выгодно», – писал он¹⁰. Неудивительно, что Япония всячески старалась закрыться от мира. Это была безнадёжная попытка сохранить суверенитет; примерно так же сегодня сопротивляется КНДР с её чучхе – идеологией «опоры на собственные силы».

Критикуя англичан, Гончаров разделял представления своего времени и окружения: Европа – этот передовой отряд человечества, над которым играет «солнце судьбы», – долж-

---

¹⁰ А преемник Венюкова в деле исследования Приморья В.К. Арсеньев в 1926 г. писал в объяснительной для ОГПУ по поводу поданных на него доносов, в частности следующее: «Англичане великие мастера создавать коалиции... Из газет “Известия ВЦИК”, “Правда”, “Тихоокеанская звезда” видно, что и теперь англичане собирают коалицию против СССР... Это дельный народ. Но хорошего нам ждать от них нечего. Интервенция эта будет окончательной гибелью нашего государства – разделом, и мы все русские сойдём в положение туземцев, ещё на более низкую ступень, чем индусы».

на всюду экспортировать свой порядок и нести бремя белого человека, не беря в расчёт мнение отсталых народов. О многополярном мире, суверенитете, альтернативе не говорили. Пока европеец не ступил на новую землю, она считалась не существовавшей вовсе. На колонизированных Испанией Филиппинах Гончаров записал: «Филиппинский архипелаг... ещё не имеет права на генеалогическое дерево. Говорить... о нём значит говорить об истории испанского могущества». Позже он скажет о Корее: «Здесь разыгрывались свои “Илиады”, были Аяксы, Гекторы, Ахиллесы... Только имена здешних Агамемнонов и Гекторов никак не пришлись бы в наши стихи, а впрочем, попробуйте: Вэй-мань, Цицзы, Вэй-ю-цюй». До азиатских «Илиад» европейцам дела не было, да есть ли теперь?

Если Китай изобрёл порох, то в военных целях его начал применять именно Запад. Но об исторической вине Европы перед Азией говорить не принято в силу застарелого евроцентризма и того, что в политике донныне действует право сильного, невзирая на все декорации.

Особое место в ряду первопроходцев занимает Геннадий Невельской. Он был не просто офицером и исследователем. Де-факто он стал политиком, далеко выйдя за пределы своих полномочий. Берега и бухты описали бы другие, но без Невельского Россия рисковала не прирасти Приамурьем. Сегодня больше половины дальневосточников живут именно в

Приамурье, Приморье, на Сахалине.

В конце XVIII века Лаперуз и Броутон сочли, что Сахалин – полуостров, а вход в устье Амура с моря для крупных судов невозможен. В 1805 году к тем же ошибочным выводам пришла экспедиция Крузенштерна (последний заключил: «Между Сахалином и Татариею вовсе не существует пролива»). В 1846 году поручик Гаврилов подтвердил мнение о недоступности устья Амура и полуостровной сути Сахалина.

Невельской: «Если бы упомянутые заключения знаменитых мореплавателей были безошибочными, то благоразумие и выгода наши требовали бы оставить этот край без внимания». Амур, казалось, выпал за рамки политического интереса России. Невельской: «Мы его (Приамурский край. – В. А.) не трогали, боясь этим раздражить китайское правительство, а оно, в свою очередь, не обращало внимания на этот край, опасаясь нас раздражить». Министр иностранных дел Нессельроде в 1848 году решил провести границу с Китаем по южному склону Станового хребта, отдав весь Амурский бассейн как бесполезный для России «по недоступности для мореходных судов устья реки Амура и по неимению на его побережье гавани». Главными тихоокеанскими портами оставались Аян, основанный в 1843 году и оказавшийся более удобным по сравнению с Охотском, и Петропавловск.

Едва не свершилось великое географическое закрытие. Тут-то в игру и вступил никому не известный, недоверчи-

вый, амбициозный капитан-лейтенант Невельской (к вопросу о роли личности в истории). «На моей совести лежало навести... Правительство... на важное значение Приамурского края для России... Надобно было действовать решительно, то есть несогласно с инструкциями», – писал он позже. Невельской решил – не слишком ли самонадеянно, по рангу ли? – что ни мелководность амурского устья, ни наличие перешейка между Сахалином и материком неочевидны. Требовалась новая экспедиция, но теперь, понимал он, «не только нельзя было ожидать на это согласия, но, напротив, тех, которые осмелились бы сделать подобное представление, ожидало бы явное или тайное преследование... Тут нужны были люди, которые решились бы действовать в сложившихся обстоятельствах вне повелений».

Невельской добивается назначения на Дальний Восток. Ему поручают на транспорте «Байкал» доставить военный груз на Камчатку. Невельской просит у главы морского ведомства князя Меншикова разрешения заодно исследовать Амурский лиман, но тот позволил осмотреть лишь юго-западный берег Охотского моря. Упрямый офицер обращается к генерал-губернатору Муравьёву и в итоге получает добро на исследование Амурского лимана и устья Амура – тихой сапой: «Как на транспорте, так и на гребных судах не должно быть поднимаемо ни военного, ни коммерческого русского флага». Всё это походило на какой-то заговор. Невельской даже собрал в каюте офицеров и сказал: «Господа, на нашу

долю выпала столь важная миссия... Всё, что я вам объявляю, должно оставаться между нами и не должно быть оглашаемо».

В 1849 году Невельской установил судоходность амурского устья и Татарского пролива (не залива, как считалось раньше), а также тот факт, что Сахалин – остров. Выяснил он и другое: китайской армии на Амуре нет, вопреки данным Петербурга о китайской флотилии, крепости и гарнизоне в четыре тысячи человек. В Приамурье вообще нет китайцев; лишь несколько нивхских («гиляцких») поселений. «Китайского правительственного влияния в нём (Приамурском крае. – В. А.) не существует и Китай как бы не признаёт его своей принадлежностью и оставляет свободным», – констатировал Невельской. Если пустующее побережье от Амура до Кореи не возьмёт под контроль Россия, его займут англичане, французы или американцы, корабли которых, как теперь ясно, могут войти в Амур. Уже с 1820-х эти места посещались американскими китобоями. Они нападали на поселения, грабили жителей... «Приамурский край... легко может сделаться добычей первого смелого пришельца», – заключил Невельской.

История с географией подталкивали к парадоксальному решению: занять Амур для защиты от Запада. «Правительство должно сосредоточить своё внимание и средства, чтобы... утвердиться на нижнем Амуре. Отсюда следует... заселять пути, ведущие к устью Амура, для того, чтобы, с од-

ной стороны, обеспечить сообщение Амурского бассейна с Забайкальем, а с другой, иметь возможность довольствоваться местным продовольствием размещённые там наши военные силы», – писал Невельской. Нессельроде счёл поступок офицера «дерзким». Однако за Невельского вступился Николай I, простив ему несанкционированный поход на Амур. Невельского повысили в чине и поручили ему новую экспедицию. Он должен был основать на юго-западном побережье Охотского моря зимовье «для расторжки с гиляками», но «ни под каким видом не касаться лимана и реки Амура».

Невельской основал Петровское зимовье, после чего – снова в нарушение инструкций – на шлюпке отправился по Амуру вверх на сотню километров, взяв с собой гиляка Позвейна и тунгуса Афанасия как переводчиков, шестерых вооружённых матросов и лёгкую пушечку-фальконет. В августе 1850 года он основал Николаевский пост – будущий Николаевск-на-Амуре. Гилякам и приехавшим к ним для торговли маньчжурам Невельской объявил: этот край вместе с Сахалином, до корейской границы, принадлежит России. На возмущившегося было маньчжура Невельской направил двуствольный пистолет. Успокоившись, маньчжур признался, что тоже нарушил инструкцию – Пекин запрещал своим подданным посещать левобережье и низовья Амура, – и рассказал: китайских постов на Амуре нет, местные племена Пекину неподвластны, ясак не платят.

Позже Арсеньев напишет: «Амурский... край китайцы

почти совсем не знали, и только появление в этой стране русских заставило их обратить на неё своё внимание. Уссурийский же край находился в стороне, и о нём китайцы знали ещё меньше... пока не появились Невельской и Завойко со своими кораблями». В Приморье китайцы пошли лишь в 1840-х, и то частным порядком. Официальный Пекин вплоть до 1870-х (когда уже стояли Хабаровск и Владивосток) об этом не ведал. «Вопреки весьма распространённому, но ни на чём не основанному мнению, что китайцы будто бы владели Уссурийским краем с незапамятных времён, совершенно ясно можно доказать противное: китайцы в Уссурийском крае появились весьма недавно», – утверждал Арсеньев. Точнее даже, не китайцы, а маньчжуры, в русской обиходной речи «манзы»; Китаем правила маньчжурская династия Цин, «настоящим» китайцам – ханьцам – запрещали селиться севернее Стены.

...Невельской убедился: Китай не считает Приморье и Приамурье своими. Это был вывод с далеко идущими последствиями. Географические открытия прямо перетекали в политические шаги. Вернее, география тогда и была политикой.

Нессельроде потребовал разжаловать Невельского в матросы и снять Николаевский пост, однако император нашёл поступок моряка «молодецким, благородным и патриотическим», наградил его и произнёс знаменитое: «Где раз поднят

русский флаг, он уже спускаться не должен».

Началось «водворение» русских в Приамурье.

Из записок Невельского с очевидностью следует, что, если бы Приамурье и Приморье действительно были китайскими, Россия туда бы не двинулась.

О том же самом позже писал Арсеньев: «Китайцы вообще плохо знали страну и если и смотрели на неё как на принадлежащую к Китайской Империи, то так же, как они смотрели и на все окружающие их страны и народы... которых они считали своими вассалами... Вот почему и Невельской так легко – без одного выстрела – захватил весь Уссурийский край от Амура до Владивостока». Лишь сам факт начала переговоров, убеждает Арсеньев, дал китайцам мысль о том, что они имеют некие права на эту землю. А «отсутствие твёрдой уверенности, что край принадлежит им, исключило какие бы то ни было осложнения».

Есть, правда, скользкий момент – китайские топонимы. Но тот же Арсеньев доказывает: ими пестрят только юг Приморья и долина Уссури. Для остального Приморья характерны названия «туземные» – ороческие, удэгейские, нанайские... Из этого следует: на севере Уссурийского края китайцев не было никогда. На юг же они пришли чуть раньше русских и начали заменять «инородческие» топонимы своими. Это вообще в китайской традиции: из-за языковых особенностей, а может, и в силу политических соображений они придумывают свои названия. Даже Сан-Франциско

у них превратился в Цзюцзиньшань¹¹; так что считать Владивосток «бывшим китайским городом» только на том основании, что китайцы называют его «Хайшэньвэй», то есть «залив трепанга»¹², – абсурдно.

«Исторические факты с непостижимой ясностью свидетельствуют нам, что, когда китайцы пришли на Амур, там были уже русские», – резюмирует Арсеньев. Он предлагает новую точку отсчёта: «Начало российского владычества в Приамурском крае надо считать не с 1859 года – года административного присоединения края, а с начала XVII столетия, то есть со времени фактического владычества русских на Амуре». Арсеньев доказывает: Россия имеет куда больше исторических прав на обладание Дальним Востоком, нежели Китай.

В 1853-м русские заняли Сахалин (Крузенштерн ещё в ходе экспедиции 1803–1806 годов предлагал «застолбить» залив Анива на юге острова: «Бесспорно, что многие не одобряют предполагаемого мною насильственного овладения сим местом. Однако почему преимущественнейшее право должны иметь японцы на владение Сахалином, нежели какая-ли-

---

¹¹ 旧金山 (данные востоковеда Ивана Зуенко).

¹² Японцы подобрали для обозначения Владивостока созвучное иероглифич-

ческое 浦塩 – «Урадзио», «Соляная бухта». Владивосток по-японски – «Урадзиосутоку».

бо европейская держава?»). «Заняв... главный пункт острова (Томари. – В. А.), в котором находится главное пристанище японцев, мы тем самым ясно покажем им, что Россия всегда признавала территорию острова Сахалина своею», – писал Невельской. Чехов позже отмечал: «Многие, в том числе Невельской, сомневались, что Южный Сахалин принадлежит Японии, да и сами японцы, по-видимому, не были уверены в этом до тех пор, пока русские странным поведением не внушили им, что Южный Сахалин в самом деле японская земля. Впервые японцы появились на юге Сахалина лишь в начале этого (девятнадцатого. – В. А.) столетия, но не раньше... Вообще во всей этой сахалинской истории японцы, люди ловкие, подвижные и хитрые, вели себя как-то нерешительно и вяло, что можно объяснить только тем, что у них было так же мало уверенности в своём праве, как и у русских». Официально весь Сахалин стал российским в 1875 году, когда Японии по Петербургскому договору отошли Курилы.

Главным препятствием в присоединении новых земель были не восточные народы, а столичные бюрократы. Судьба территории решалась не столько на Амуре, сколько на Неве, в дворцовых залах и министерских кабинетах. Кажется даже удивительным, что Россия столь легко выиграла бескровную битву за Амур с Западом и российскими чиновниками. Описывая «дипломатическую войну» между графом Путятиным и генерал-губернатором Муравьёвым, Венюков гово-

рил: «Я начинал понимать тогда, что значит воевать за присоединение Амура не против китайцев, а против своих». Он же писал, как противился присоединению Амура Нессельроде. Картограф, офицер Будогосский говорил Венюкову: «Все амурские затеи рано или поздно окажутся затеями». Путятин и другие недруги Муравьёва, по словам Венюкова, называли Амур болотом: «Эти внутренние враги были для Муравьёва опаснее внешних». Правительство, писал Венюков, не понимало важности Амурского края: «Оно склонно было видеть во всем амурском деле не великую государственную задачу, а “муравьёвскую затею”, которая, бог весть, удастся ли ещё; а потому не давало денег».

Это сейчас карта России кажется нам чем-то само собой разумеющимся, непреложным, данным свыше, как законы физики или очертания материков. А Невельскому приходилось доказывать, что Дальний Восток нужен России.

Доказывать это приходится до сих пор.

Венюков: «Противники... старались выставить его смешным, ограниченным сумасбродом... Да! И Колумб был сумасброд, и Гарибальди сумасброд, даже очень ограниченный, если верить официальным журналистам и дипломатам. Только для них обоих есть история; есть она и для Невельского, а всех официозных журналистов и многих дипломатов что же ожидает, кроме забвения и часто даже презрения?»

Странно, что никто до сих пор не додумался создать компьютерную игру-стратегию «Капитан Невельской».

«Открытие Невельским нового выхода к Тихому океану заставило эту державу (Англию. – В. А.) ускорить объявление нам Севастопольской войны, имевшей целью совершенное уничтожение нашего флота и разрушение опорных пунктов на всех морях, омывающих Россию. Неизбежность же этой войны, ставшая очевидной ещё в 1852 г., побудила нас в свою очередь к более энергичным действиям на Амуре», – писал первый русский геополитик генерал Алексей Вандам. Крымская война шла не только на Чёрном море: англичане и французы атаковали Камчатку, рейдерствовали в Охотском море, составляли карты побережий, давая имена здешним бухтам и мысам.

Исследования Миддендорфа, открытия Невельского, данные Венюкова создали предпосылки к пересмотру Нерчинского договора, поскольку была установлена фактическая неподвластность Приамурья и Приморья Китаю. Венюков пишет: уже в январе 1854 года «амурский вопрос» был решён «в принципе». Николай I по представлению генерал-губернатора Восточной Сибири Муравьёва решил занять Амурский край, который «оставлен был в небрежении китайцами и заселён ими всего в одном месте, да и то очень слабо».

После неудачной Крымской войны необходимость Амура стала очевидной: без этой реки восточные владения империи оказывались слишком уязвимы, пути снабжения Русской

Америки – крайне ненадёжны. Положения договора 1689 года сдерживали Россию, не позволив в Крымскую войну должным образом обеспечить оборону тихоокеанских владений от вторжения европейцев.

Надо было чем-то компенсировать потери, не допустить усиления Запада на востоке, надёжно закрепиться на дальних рубежах. Камчатка, база России на Тихом океане, была оторвана от метрополии. Война показала: снабжать и защищать её невероятно сложно. Вот если бы у России появились порты южнее – в Приморье и Приамурье... Высказывались и другие идеи. Адмирал и географ Фёдор Литке предлагал для обеспечения Камчатки занять японские острова Бонин-Сима. Ещё в 1816-м на гавайском острове Кауаи была построена Елизаветинская крепость, впрочем быстро оставленная русскими; очертания империи колебались, приливы сменялись отливами. России была необходима «вторая нога» на тихоокеанском побережье. Невельской: «В Петербурге и в Иркутске осознали всю справедливость моих постоянных представлений, что всякие затраты на Петропавловск, Аян и т. п. пункты, совершенно отрезанные от Сибири, напрасны, и что только в Приамурском и Приуссурийском краях мы можем твёрдо встать на отдалённом нашем Востоке».

Уже в 1855 году, свидетельствует Венюков, началось целенаправленное заселение бесхозных амурских земель солдатами, казаками, позже – крестьянами. В 1856 году была образована Приморская область, в которую включили зем-

ли от Чукотки до нынешнего Приморья, учреждена «Сибирская флотилия на Восточном океане». Тем самым, указывает Невельской, «официально признавалась зависимость устья реки Амур от России, и Нижнеамурский край официально присоединился к русским владениям в Азии». В 1858 году начали заселять Уссури.

Гончаров, побывавший в Татарском проливе в 1854 году, писал: «...Всё тянется глухой, маньчжурский, следовательно принадлежащий китайцам берег». Но встретил он здесь не китайцев, а тунгусов-охотников Афоньку и Ивана, которые сносно объяснялись по-русски.

Противостоять приходилось не только Англии и Франции, но и предприимчивым американцам. Венюков: «Уже со второго года нашего появления на Амуре (то есть в 1856 году. – В. А.) появились там и американцы... Они составили проект соединить железною дорогою Амур с Байкалом (прото-БАМ! – В. А.) и таким образом экономически притянуть всю богатую Восточную Сибирь к Тихому океану. Мысль великая и которая рано или поздно осуществится...» Американцам вежливо отказали, причём Венюков прямо говорит, что все аргументы против проекта были надуманными, а суть заключалась в другом: «Нельзя пустить американцев на Амур и в Забайкалье», иначе «Сибирь отвалится».

Итак, Россия вернулась на Амур. «Те из нас, которые впервые увидели Амур, испытывали ощущение, родственное с тем, какое было чувствуемо, например, Васко Нунье-

сом де Бальбоа, когда он с высот Панамского перешейка увидел впервые Тихий океан», – с объяснимым пафосом пишет Венюков.

Настал подходящий момент: после вторжения Англии и Франции в Китай Пекин пошёл на сближение с Россией, ставшей буфером между Востоком и Западом. На переговорах в Айгуне представители Пекина заявляли, что Приамурье и Приморье принадлежат Китаю, но Муравьёв возразил: ни на Амуре, ни в Приморье китайцев не было и нет, если не считать беглых; Россия, напротив, уже заняла Приамурье (что, кстати, защищало Китай от нападения европейцев с севера).

Переговоры, однако, не решили всех вопросов. По Айгунскому договору 1858 года левобережье Амура признавалось российским, Уссурийский край – в общем владении России и Китая.

Венюков: «Для Восточной Сибири “век Муравьёва” был тем же, чем век Екатерины II для всей России и век Людовика XIV для Франции. Не было только поэтов, сочинителей од, хотя, например, 16 мая 1858 года – день заключения Айгунского договора... мог бы дать повод какому-нибудь жрецу Аполлона и муз написать не один десяток строф рифмованной лести».

Останавливаться было нельзя: Муравьёв опасался, что англо-французский флот, уже побывавший здесь в Крымскую войну, займёт южные гавани. Англия и Франция гото-

вили новую экспедицию против Китая, которая могла обернуться для России потерей видов на Приморье. Надо было скорее его занять. Одни говорили, что достаточно ограничиться треугольником с вершинами в устье Уссури, Де-Кастри и Императорской Гавани, другие предлагали взять земли до поста Ольги (основан в 1858-м, как и Хабаровск), трети – чуть не всю Маньчжурию вплоть до Жёлтого моря.

В 1859 году Муравьёв-Амурский на пароходо-корвете «Америка» осматривает берега Приморья и наносит на карту русские названия взамен европейских – символический акт. До этого здешние места носили французские и английские имена, поскольку в 1852–1856 годах эти берега исследовали французский фрегат «Каприз», английские «Винчестер», «Стикс», «Нанкин», «Барракуда», «Хорнет»¹³. Нынешние Уссурийский и Амурский заливы, омывающие Владивосток, были наречены в честь Наполеона и Герена, залив Петра Великого – именем британской королевы Виктории, острова близ Владивостока назывались архипелагом французской императрицы Евгении. Полуостров Муравьёва-Амурского, на котором расположен Владивосток, носил

---

¹³ Первую известную карту нынешнего Приморья составил в 1474 г. флорентиец Паоло Тосканелли, который, вероятно, пользовался китайскими источниками; второй была карта фламандца Герарда Меркатора 1569 г. Вплоть до муравьёвского топонимического реванша русские моряки пользовались картой Жан-Батиста д'Анвиля 1737 г. В 1852 г. моряки французского корвета «Каприз» называли именем д'Анвиля залив в южной части нынешнего Приморья. Через два года здесь побывал фрегат «Паллада», залив получил имя участника экспедиции – офицера Константина Посьета.

имя супруга английской королевы – Альберта. Залив Ольга назывался гаванью Сеймур, остров Аскольда – *Termination*, остров Путятина – островом Форсайта, залив Находка – бухтой Хорнет, Славянский залив – гаванью Брюса и так далее¹⁴. Бухта Золотой Рог, на берегах которой основали Владивосток, ещё в 1855 году была названа англичанами *Port May* – в честь штурмана «Винчестера» Френсиса Мэя. История этих мест могла пойти совсем иным, не российским путём. Гавань Мэя могла бы стать новым Гонконгом, но стала Владивостоком.

Первое описание места, где в 1860 году появится пост Владивосток, оставил английский моряк Джон Тронсон, побывавший в гавани Мэя в 1856 году: «Окрестные сопки, плавно сбегая к срезу воды, местами поросли дубом, вязом и орешником, но местами стояли голые без деревьев, покрытые лишь густой травой, цветущими растениями да зарослями виноградной лозы... На одной стороне гавани виднелся обширный огород, на котором росли разнообразные овощи. На соседнем поле колосились хлебные злаки: ячмень, гречиха и просо, а чуть поодаль за полем паслось несколько лошадей». Местные жители – маньчжуры – объяснили британцам, что временами из леса выходят тигры, вынуждая огораживать жилища частоколом. Маньчжуры вооружены фи-

---

¹⁴ Интересно, что некоторые английские топонимы дожили до наших дней, будучи просто переведёнными на русский; например, мыс Песчаный и Тигровая сопка во Владивостоке (*Sandy Point u Tiger Hill*).

тильными ружьями, некоторые умеют читать и писать; подле их домов – ухоженные огороды: картошка, лук, фасоль, кабачки, огурцы... Вот они, первые владивостокцы – ещё до высадки стройбатовцев Комарова. Но если для нас *Port May* важен как прото-Владивосток, то для Тронсона это не более чем одна из «тартарских» бухт. Постоянно здесь живут маньчжуры или сезонно, сколько их, когда они пришли в «Хайшэньвэй» – остаётся неизвестным. Записки Тронсона «Плавание “Барракуды”» – свидетельство того, что юг Приморья к моменту прихода русских был обитаем. Не следует, впрочем, на этом основании заключать, что Приморье было китайским; сюда из Китая шли – очень небольшим числом – охотники, рыбаки, сборщики дикоросов, здесь скрывались беглые преступники; территория де-факто не находилась под юрисдикцией Пекина, китайской государственности здесь не было никогда. К числу коренных народов края китайцы – в отличие от удэгейцев, нанайцев, орочей – не относятся.

Отношения Британии и России в середине XIX века напоминают отношения СССР и США после 1945 года.

В 1857-м корреспондент «Санкт-Петербургских новостей» в Николаевске-на-Амуре Романов сообщил: англичане намерены занять остров Хоккайдо и бухту на «татарском» берегу между Императорской (Советской) Гаванью и заливом Посьета в нынешнем Приморье.

Покорив Индию, Англия подступала к русским границам

с юга, усиливала позиции в Китае.

Если бы карты легли иначе, Приморье стало бы колонией Британии. Но карты легли так, как легли. В 1859 году появляется карта залива Петра Великого, на которой присутствует гавань Владивосток – за год до официального основания одноимённого поста. Приказав создавать посты на юге Приморья, Муравьёв писал: если иностранные корабли придут сюда, они найдут эти места «в нашем фактическом владении». Это потом Владивосток стали считать форпостом против «жёлтой угрозы»; закладывался он как симметричный ответ на действия Англии и Франции, активно интересовавшихся де-факто ничейными землями на востоке Евразии.

Топонимический подтекст откровенен: залив нарекли именем царя, прорубившего окно в Европу (теперь рубилось окно в Азию), пост – с некоторым имперским высокомерием, если не самонадеянностью, – Владивостоком. Последним названием были недовольны и британцы, и японцы¹⁵.

В 1860 году англичане и французы предприняли очередной поход на Китай, что сыграло опять-таки в пользу России. Николай Игнатъев, русский посланник в Пекине, вызвал-

---

¹⁵ Китайским радикалам топоним «Владивосток» тоже не по душе. В 2020 г. недовольство китайских интернет-пользователей вызвал пост, опубликованный посольством РФ в Пекине в социальной сети Weibo к 160-летию Владивостока. В тексте говорилось о том, что название города означает «владеть востоком». «Что ты содрал с меня шкуру и ешь моё мясо – я терплю. Но то, что ты при этом чавкаешь, – это слишком...» – высказался один из китайцев. На следующий день посольство удалило свой пост.

ся стать посредником в переговорах (по варианту-максимум Россией рассматривалась прямая военная помощь Китаю). Когда англо-французские войска в августе 1860 года, заняв Тяньцзинь, пошли на Пекин и сожгли зимний императорский дворец, брат бежавшего императора Сяньфэна князь Гун принял предложение Игнатьева. Тот гарантировал князю безопасность и поддержку в обмен на заключение в дополнение к Айгунскому договору нового. При содействии Игнатьева 24 и 25 октября были подписаны мирные договоры с Францией и Англией, а 2 ноября 1860 года – Пекинский трактат, по которому Приморье признавалось российским. Русское Приморье, как ни странно это звучит, – побочное дитя европейского империализма.

То, что Китай был ослаблен западноевропейскими державами, России оказалось на руку; всё складывалось одно к одному. За новые земли Россия соперничала с Англией и Францией, одновременно защищая от них же Китай; молниеносно реагировала на изменения в международной политике, делая снайперски точные ходы. Франция и Англия давно растеряли восточные колонии – Дальний Восток остаётся российским.

Двадцативосьмилетнего Игнатьева наградили, произвели в генерал-адъютанты, назначили директором Азиатского департамента МИДа. Муравьёв писал главе МИДа Горчакову: «Теперь мы законно обладаем и прекрасным Уссурийским краем, и южными портами... Всё это без пролития русской

крови... а дружба с Китаем не только не нарушена, но скреплена более прежнего». Россия не «отжала» Приморье, но помогла Китаю – и взамен получила право на прежде ничьи территории и гавани, а Китай – прикрытие с севера и востока. Стоит ли удивляться, что Запад и сегодня опасается российско-китайского альянса и пытается расколоть евразийских союзников, убеждая Россию, что призрачная «жёлтая угроза» куда страшнее, чем НАТО и США?

Айгунский и Пекинский договоры официально закрепили за Россией Приамурье и Приморье, но заселение Амура и Уссури началось задолго до подписания этих документов. Россия ставила Китай и мир перед фактом. Подписание лишь оформило уже начавшееся освоение региона, став не отправной точкой, а промежуточным итогом. Сам факт водворения русских колонистов на Амуре стал аргументом в переговорах с Пекином.

Венюков считал, что приобретение Россией Приамурья и Приморья – дело «важнейшее из всех, сделанных русским народом не только во второй половине XIX века, но и вообще в этом столетии, и если ещё нашим современникам может казаться, что Кавказ, Польша и Финляндия важнее, то потомки, конечно, скажут противное. Ни Финляндия, ни Польша, ни Закавказье никогда не станут чисто русскими землями...» Венюков угадал: Польша, Финляндия, Закавказье рано или поздно откололись, Амур и Уссури приросли накреп-

ко.

Заселение не было стихийным – это была государственная политика.

Ещё Ломоносов, ратуя за открытие Севморпути, предлагал «в опасные места посылать преступников, которые заслужили наказание, вместо смерти». Кропоткин писал: «... Нужны были засельщики, которых Восточная Сибирь не могла дать. Тогда Муравьёв прибег к необычайным мерам. Ссылно-каторжным, отбывшим срок в каторжных работах и приписанным к кабинетским промыслам, возвратили гражданские права и обратили в Забайкальское казачье войско, созданное в 1851 году. Затем часть их поселили по Амуру и по Уссури. Возникли, таким образом, ещё два новых казачьих войска. Затем Муравьёв добился полного освобождения тысячи каторжников (большею частью убийц и разбойников), которых решил устроить, как вольных переселенцев, по низовьям Амура».

Такая политика имела немало минусов. Венюков сетовал: переселенцами стали «люди, от которых нельзя было ожидать никакой пользы новому краю, – опороченные и холостые солдаты... Штрафованные солдаты... были не способны ни на что более, как есть даром казённый хлеб, заниматься воровством у мирных жителей и поселять среди их разврат». С продуктами наблюдались перебои, места для станиц выбирались без учёта особенностей местности и климата. Кропоткин: «Пёстрые толпы забайкальских казаков, осво-

бождённых каторжников и “сынков” (штрафников, распределённых по казачьим семьям. – В. А.), поселённых наско-ро и кое-как по берегу Амура, конечно, не могли благоденствовать, в особенности по низовьям реки и по Уссури, где каждый квадратный аршин приходилось расчищать из-под девственного субтропического леса; где проливные дожди, приносимые муссонами в июле, затопляли громадные пространства; где миллионы перелётных птиц часто выклёвывали хлеба. Все эти условия привели население низовьев в отчаяние, а затем породили апатию». Пржевальский тоже критиковал эту политику: «Казачи с первого шага стали враждебно смотреть на новый край, куда явились не по собственному желанию, а по приказу начальства... Большая часть из них лишилась во время трудной дороги и последнего имущества... Казачи явились на Уссури в полном смысле голышам. К такому населению подбавлено было ещё в следующие годы около 700 штрафованных солдат... Мало можно сказать хорошего и про казаков-то, а про этих солдат решительно ничего, кроме дурного. Это самые грязные подонки общества, сброд людей со всевозможными пороками... Эти люди всего менее способны сделаться хорошими земледельцами, тем более в стране дикой, нетронутой, где всякое хозяйское обзаведение требует самого прилежного и постоянного труда». Пржевальский предлагал разрешить всем желающим казакам вернуться в Забайкалье за казённый счет: «Безопасность прочного владения нами Уссурийским краем уже

достаточно установилась... нет никакой необходимости заселять Уссури непременно казачьим населением... Граница вполне обеспечена безлюдностью и непроходимостью прилежащих частей Маньчжурии». Он выступал за то, чтобы выселить штрафников, простить казённые долги, помочь земледельцам, привлечь в Приморье крестьян – прежде всего в плодородные Ханкайские степи и Сучанскую долину. Причём везти их морем: это быстрее и комфортнее.

Вскоре так и сделали – появился «Доброфлот». Регулярные морские перевозки переселенцев на восток начались в 1880-х и шли вплоть до постройки Транссиба. За два десятка лет суда «Доброфлота» доставили в Приморье свыше пятидесяти семи тысяч переселенцев и двадцать восемь тысяч специалистов разного профиля.

Едва ли можно говорить о том, что Дальний Восток в те времена управлялся эффективно и дальновидно. «Мертвящее русское правительство, делающее всё насилуем, всё палкой, не умеет сообщить тот жизненный толчок, который увлёл бы Сибирь с американской быстротой вперёд», – писал Герцен. Пример, приведённый Венюковым: «У нас население южной части Приморской области долго кормилось мукой, доставляемой контрагентом морского ведомства Паллизоном, который привозил её из Кронштадта. И, в то же время, адмиралы-губернаторы во Владивостоке жаловались, что хлебопашество в русских южноуссурийских колониях не развивалось, ибо колонисты не видели, куда им сбывать свой

хлеб. Нужно было, чтобы в край прибыл, из-за 4000 вёрст, генерал-губернатор, который, наконец, разрешил покупать для солдат и матросов во Владивостоке хлеб у соседних русских земледельцев в долине Суйфуна».

Венюков опасался, что из-за бедственного положения колонистов и отсутствия прочных связей Амурского края с метрополией Россия «при первой войне с Англиею или даже с какою-нибудь другою, менее сильною, но морскою державою или же с Китаем» может лишиться этой земли. Надо сказать, что генерал Венюков, ставший кем-то вроде диссидента (сошёлся с политическим ссыльным Петрашевским, впоследствии эмигрировал), порой напоминает интонацией Салтыкова-Щедрина. Государственных мужей, именами которых на Дальнем Востоке названы улицы и посёлки, он описывает живыми людьми со слабостями, сообщает о бюрократии, интригах, воровстве, разгильдяйстве... Всё это неудивительно. Удивительно другое: дело, так или иначе, двигалось вперёд. При всей противоречивости равнодействующая восточной политики состояла в том, что Россия расширялась в сторону Тихого и Ледовитого. Развесовка сгрудившейся на западе страны стала меняться.

С основанием Владивостока Россия приобрела не то чтобы законченность, ибо история продолжается, но необходимую стилистическую гармоничность. Она зарифмовалась сама с собой, найдя подходящее созвучие северо-западному Петербургу. До этого восточные её пределы как бы провиса-

ли, терялись в сибирской тайге, полярной тундре, океанской дали, но вот наконец появилась опора для громоздкой конструкции.

В 1871 году Сибирскую флотилию, берущую начало от созданной ещё в 1731 году Охотской флотилии, перевели из Николаевска во Владивосток.

Своим рождением Владивосток в большой степени обязан Крымской войне. Проигрыш на Чёрном море подстегнул освоение тихоокеанских берегов – особенно южных, как раз черноморской широты. Следующие войны давали городу новые импульсы: падение Порт-Артура переориентировало силы, деньги, кадры на Владивосток; в Первую мировую его порт стремительно рос потому, что был, в отличие от балтийских гаваней, неуязвим для немецких подводок. Тогда же, во время «германской», большая Россия по-настоящему познакомилась с дальневосточной рыбой и консервами из неё.

Иногда кажется, что метрополия по-настоящему бралась за развитие восточных территорий только тогда, когда наступала смертельная опасность. Дальний Восток жив мобилизующими угрозами.

После присоединения Приморья было решено отказаться от Аляски. Можно спорить о неизбежности или целесообразности продажи этой крайней плоти страны, но 1850-е дали России новые земли и гавани на юге Дальнего Востока, как бы компенсировавшие и проигрыш в войне, и будущую

уступку Аляски.

Венюков: «Бывшие наши владения там собственно не были достоянием государства, а принадлежали частной торговой компании (Российско-Американской компании. – В. А.); но как защита их в случае войны падала на государство и по необходимости должна была обходиться дорого, то явилась мысль уступить их Соединённым Штатам, тем более что во время Восточной (Крымской. – В. А.) войны они уже состояли под покровительством этой великой республики».

Интересно, что первым предложил продать Аляску Муравьёв-Амурский, которого мы чтим за присоединение Приамурья и Приморья. Он ещё в 1853 году подал Николаю I соответствующую записку. Александр II предлагал Аляску Великобритании и Штатам. Британцы отказались, в Америке идею тоже раскритиковали: в печати сделку называли «Глупостью Сьюарда» (Уильям Генри Сьюард – тогдашний госсекретарь), саму Аляску – *Walrussia* (игра слов: *walrus* – «морж»). Конгрессменов пришлось подкупать при помощи Эдуарда фон Стёкля, русского посла в США. Венюков: «Американцы не прочь бы подвести под категорию бывших владений Российско-Американской компании и острова Командорские... Даже более того: они уже много лет приглядываются к Чукотской земле, где, по их словам, нет русских властей, так что земля эта может считаться ничьею, т. е. может быть сделана американскою».

Сделкой были недовольны и коренные аляскинцы. Они

считали – вполне резонно, – что Аляска принадлежит им, а значит, Россия и США не имеют права ни продавать её, ни покупать. «Это даже затруднило запланированные мероприятия по случаю 150-й годовщины покупки Аляски в 2017 году», – пишет аляскинский журналист Дэвид Рамсер в книге «Растопить ледяной занавес». Вице-губернатор Аляски Байрон Маллотт, тлинкит по национальности, настоял, чтобы это событие называлось «ознаменование» (*commemoration*), а не «празднование» (*celebration*). «Никто не говорил, что мы не должны отмечать это событие, – сказал Маллотт. – Но будем чувствительны к реальности и не превратим его в одностороннее евроцентричное мероприятие».

В 1867 году Аляску продали по два цента за акр (священник Тихон Шаламов, отец Варлама, в 1900 году писал о «вине русских людей, продавших Аляску поистине за тридцать сребреников»). На холме Баранова в Ситке – бывшем Ново-Архангельске – взвился американский флаг¹⁶.

Преподобный Шелдон Джексон, пресвитерианский миссионер, приехавший на Аляску в 1877 году, заявил: «Через 25 лет на Аляске не останется ни одного православного верующего». И ошибся: как раз четверть века спустя на Кадьяке служил Тихон Шаламов.

---

¹⁶ В 2020 г. памятник Александру Баранову, правителю Русской Америки, убрали с центральной площади Ситки и поместили в музей, чтобы он не «оскорблял чувств коренных народов». Эта акция продолжила серию протестов и погромов в США, связанных с убийством афроамериканца Джорджа Флойда полицией. Остров, на котором расположена Ситка, по-прежнему носит имя Баранова.

Полноценным Штатом Аляска стала только в 1959 году.

Там, откуда уходили русские, вскоре обнаруживалось золото. Так было и в Калифорнии, и на Аляске. Наверное, это было не наше золото. Наше лежало на Колыме.

Калифорнийская золотая лихорадка 1849 года породила джинсы – штаны для старателей, этих американских дальневосточников, вернее, дальнезападников, *forty-niner*'ов («людей сорок девятого года»). Придумал джинсы предприимчивый *Levi Strauss* (Лёб Штраусс, Ливай Страусс – всяк читает по-своему; не путать с антропологом Леви-Строссом и философом Лео Штраусом). Он сообразил, что старателям нужны крепкие недорогие штаны в большом количестве, и начал их шить из парусины. Далеко не каждый старатель нашёл в Калифорнии золото, а вот *Strauss* воистину отыскал золотое дно. Точно так же в 1897 году, во время уже второй, аляскинской золотой лихорадки Джек Лондон не найдёт золота и, заболев цингой, будет вынужден отправиться восвояси – с пустыми карманами и выпадающими зубами, но с подлинным сокровищем в виде сюжетов северных рассказов. А золото? Что золото? «Глупый металл», от которого – «сплошная судимость», как говаривал Безвестный Шурфовщик Олега Куваева, советского Джека Лондона.

Для колымских приисков больше джинсов подходили ватники. Они могли стать столь же модной одеждой, как и джинсы, но в области пиара Россия от Запада отстаёт, предпочитая молча перекрывать Енисей, делать ракеты и шить эти са-

мые ватники, греющие не одно поколение наших соотечественников.

Северный вектор сменился южным: возникли Благовещенск, Хабаровск, Владивосток, позже Россия заняла Порт-Артур. Охотск, Николаевск, Петропавловск стали дальневосточной периферией.

Ещё в 1853 году Герцен писал: «Сибирь имеет большую будущность – на неё смотрят только как на подвал, в котором много золота, много меху и другого добра, но который холоден, занесён снегом, беден средствами жизни, не изрезан дорогами, не населён... Увидим, что будет, когда устья Амура откроются для судоходства и Америка встретится с Сибирью возле Китая... В этом будущем роль Сибири, страны между океаном, южной Азией и Россией, чрезвычайно важна. Разумеется, Сибирь должна спуститься к китайской границе. Не в самом же деле мёрзнуть и дрожать в Берёзове и Якутске, когда есть Красноярск, Минусинск и проч.».

Сибирь действительно «спустилась» к Китаю, Корее, Японскому морю.

Святые несвятые

Освоение востока с самого начала шло в режиме, как ска-зали бы сейчас, частно-государственного партнёрства. На тактическом уровне многое зависело от личной инициати-вы. Возможно, в точной дозировке вольницы и контроля – секрет ошеломляющего успеха и быстроты первопроходцев. Делая государственное дело, они понимали его как своё. Ис-кали воли, но для устройства не собственного будущего, а государственного.

Иногда действовали на грани авантюры, превышали пол-номочия.

Нередко освоение новых земель – экономическое, куль-турное, духовное, научное – проходило по принципу «не бы-ло бы счастья», в чём видится высший промысел. Войны, угрозы, бунты приводили к укреплению и расширению го-сударства.

В слове «острог» слилось два смысла: крепость, опорный пункт – и место заточения. Новые земли столбили казаки и солдаты, за ними приходили ссыльные и каторжники, пере-бирались крестьяне. Дальний Восток был одновременно тер-риторией свободы и несвободы, причём в высшем, адском градусе.

Уже в 1645 году в Якутск отправили осуждённых Давыда Иванова и Олимпия Кепрякова. Протопоп Аввакум в 1650-

х добрался до Забайкалья. Его, сосланного было в Тобольск, приставили в качестве духовника к Даурской экспедиции воеводы Афанасия Пашкова, посланной восстанавливать Нерчинский острог. Поход за Байкал был тяжёл: тонули, голодали... В своём «Житии...» Аввакум вспоминал: «И сам я, грешной, волею и неволею причастен кобыльим и мертвечьим звериным и птичьим мясам. Увы грешной душе!» В районе Нерчи произошёл знаменитый диалог между протопопией Анастасией Марковной и Аввакумом: «Долго ли муки сея, протопоп, будет?» – «Марковна, до самыя смерти!» – «Добро, Петрович, ино еще побредем...» С некоторой натяжкой Аввакума можно считать первым писателем Дальнего Востока и предтечей Шаламова.

В 1714 году пленных шведов отправили в Охотск, где они занимались постройкой судов. В Тобольске военнопленные преподавали в школе.

В 1730-х появились Охотская и Нерчинская каторги.

Декабрист Александр Бестужев-Марлинский писал на берегах Лены рассказы и этнографические статьи. В балладе «Саатырь» объединил якутский фольклор и европейский романтизм.

Его брат Николай Бестужев, сосланный в Забайкалье, писал портреты и пейзажи, занимался научными исследованиями, изобретательством. Алексей Старцев – его незаконнорождённый сын от бурятки Сабилаевой – стал в Приморье видным предпринимателем и меценатом.

Карл Ландсберг, петербургский офицер, сосланный за двойное убийство на Сахалин, проявил себя на каторге как подвижник, в войне с Японией – как герой.

Заслуги декабристов, участников Польского восстания 1863 года, народовольцев в освоении Зауралья трудно переоценить. Это учёные Тан-Богораз (отец отечественного североведения, автор первого русского фэнтези «Жертвы дракона» и первых же, дошаламовских «Колымских рассказов», в советское время – инициатор создания Комитета Севера, Института народов Севера и Музея истории религии); Бронислав Пилсудский (брат Юзефа – первого лидера возрождённого Польского государства; именно Бронислав достал для брата Ленина – Александра Ульянова – взрывчатку для покушения на Александра III, был осуждён на казнь, которую царь заменил сахалинской каторгой); писатель Серошевский – автор «Якутских рассказов» и «Китайских рассказов», проза которого вдохновила режиссёра Балабанова на «Реку» и «Кочегара», предприниматель Янковский...

В Сибири к государственным преступникам даже чиновники относились лучше, чем в столицах. Герцен свидетельствовал: «Сосланные по четырнадцатому декабря пользовались огромным уважением. К вдове Юшневского делали чиновники первый визит в Новый год. Сенатор Толстой, ревизовавший Сибирь, руководствовался сведениями, получаемыми от сосланных декабристов, для поверки тех, которые доставляли чиновники... Простой народ ещё менее вражде-

бен к сосланным, он вообще со стороны наказанных. Около сибирской границы слово “ссылный” исчезает и заменяется словом “несчастный”».

Гончаров писал, что в Иркутске он «широко пользовался своим правом посещать и тех, и других, и третьих, не стесняясь никакими служебными или другими соображениями... Перебывал у всех декабристов, у Волконских, у Трубецких, у Якушкина и других».

Венюков вспоминал, как генерал-губернатор Муравьёв, встретив на людях декабриста Горбачевского, громко с ним поздоровался и дружески пожал руку. Тотчас по приезде в Иркутск, «в самый разгар реакции против всего либерального», Муравьёв «открыл им (политическим ссылкой. – В. А.) двери своего дома и посещал некоторых из них лично». Возможно, коррективы вносила сама реальность – как в море или на войне. Венюков: «Здесь, на далёком Востоке Азии, все мы, живые и мёртвые, правые и левые, красные и зелёные, – члены одной великой русской семьи...» Но Муравьёв выделялся даже на общем фоне. Он, по свидетельству Венюкова, «ласкал» петрашевцев. Более того, сам Петрашевский «был даже одно время чем-то вроде хозяйки дома Муравьёва, за отсутствием уехавшей в Париж жены». Петрашевский в лицо критиковал Муравьёва, а тот «слушал, оспаривал, как умел». Муравьёв был чиновником диссидентствующим, в итоге эмигрировал (его прах привезли во Владивосток из Парижа в 1990 году). Но показательно вот что: иркутский гу-

бернатор Пятницкий, отправивший по поводу подозрительных связей Муравьёва донос в столицу, был тут же уволен решением царя.

Для географов Михаила Венюкова и Николая Пржевальского, объездивших полсвета, Приморье стало полигоном, школой, тренировкой. Венюков попал на Уссури двадцатилетним, Пржевальский – двадцати восемью лет.

Ивана Черского, сосланного за участие в Польском восстании, и Николая Пржевальского, подавлявшего это самое восстание, объединило Русское географическое общество. Теперь для нас важны научные изыскания обоих, а не их политические взгляды. Само пространство мирило противников, превращая охранителей в очарованных странников, а бунтарей – в стражей империи.

Изучая судьбы ссыльных, приходишь к страшноватой мысли: если бы бунтов не было, их следовало придумать. Пенитенциарная система – ценой огромных страданий нередко безвинных людей – сделала неимоверно много для освоения востока. Ссылка в Сибирь оставляла человеку возможность работать, участвовать, развивать. На тихоокеанскую окраину, в медвежьи углы империи попадали активные, умные, образованные, предприимчивые люди – и территория сразу это ощущала. Из якутских записок ссыльного, писателя Владимира Короленко: «Кто знает, что было бы, если бы у русского правительства не было похвального обыкновения заселять самые отдалённые окраины европейски образован-

ными людьми?»

Каторжный Сахалин родил Василия Ощепкова – легендарного спортсмена и разведчика, создавшего борьбу «самбо». Это готовый герой остросюжетного романа. Угодивший в «японские шпионы» и надолго забытый, разведчик Ощепков оказался заслонён своим преемником Зорге, спортсмен Ощепков – своим учеником Харлампиевым и соперником Спиридоновым.

Единоборства – одна из немногих мировых мод, пришедших с Дальнего Востока.

Мастером айкидо стал актёр Стивен Сигал, потомок одеситов и владивостокцев, с недавних пор гражданин России, чуть не получивший «дальневосточный гектар».

Чак Норрис открыл для себя восточные единоборства в Корее, где служил в армии.

Если европейский бокс – голая практичность, то восточный спорт – философия и эстетика, а уже потом всё остальное.

Китай долго испытывал комплекс неполноценности, чувствуя себя отодвинутым на периферию цивилизации. Не хватало по-настоящему всемирного героя китайского происхождения, не локального, а глобального бренда. Таковым стал Брюс Ли, с которого начался планетарный бум восточных единоборств.

В перестроечном детстве мы смотрели его фильмы в ви-

деосалонах по рублю, не считывая ни юмора, ни идеологического подтекста (как не считывали политику в верновских «Детях капитана Гранта» или «Двадцати тысячах лье под водой»), воспринимая лишь приключенческую составляющую). Оценивали только эффектность драк. Подозревали, что «Шварц», железный Арни (сын нациста, ставший кумиром нашего поколения) дерётся не очень, из-за чего питает страсть к пулемётам. А Брюс Ли – как те «звери из стройбата, которым даже оружия не выдают»; я бы не удивился, увидев, как он ловит пули зубами.

«Кулак ярости»: начало XX века, Шанхай оккупирован японцами – одна из бесчисленных восточных войн, не замеченных Европой; плакат в парке: «Вход собакам и китайцам запрещён». Завязка сюжета – убийство китайского мастера ушу Хо Юаньцзя. Его ученик, которого играет Ли, решает мстить. На стороне японцев – некий русский «мятежник», силач с оригинальной фамилией Петров. Брюс развешивает японцев и китайских пособников на столбах, как комсомольцы Краснодона в «Молодой гвардии» – полицаев. Его персонаж преодолевает китайские комплексы, одолев и титана Петрова, и японцев с их карате. В массовке мелькает Джеки Чан, что символично: приняв эстафету от Ли, он первым из китайцев получит «Оскар», как бы и за Брюса тоже.

Не очень понятно, зачем в этом фильме был нужен Петров, но русский антигерой – в традиции и восточных, и тем более западных боевиков. Побить русского – дорогого стоит.

В американском «Не отступать и не сдаваться», где в качестве второстепенного героя появляется призрак Брюса Ли, «плохого парня», русского Ивана, играет юный Ван Дамм. Со Сталлоне в «Рокки-4» бьётся Иван Драго – капитан Советской армии в исполнении Дольфа Лундгрена. Ещё один герой Сталлоне, Рэмбо, тоже повоевал против русских – в Афганистане. Плохие русские олицетворяют для западного зрителя империю зла, беспощадное чудовище, которое тем не менее можно одолеть.

«Путь дракона», первая голливудская работа Брюса, – вроде бы лёгкий боевичок, едва ли не комедия, если не считать финального пафосно-трагического поединка «Брюсли» с «Чакнорисом» (так мы говорили в детстве: «фильмы про Брюсли», «фильмы про Шварца»). Герой Ли приезжает из Китая в Рим, чтобы защитить земляков от рейдеров, пытающихся отжать ресторанчик. Уже здесь – столкновение Азии и Европы. Глядя на античные руины Рима, герой отворачивается: «Похоже на наши трущобы». В фешенебельном районе кривится: «У нас в Гонконге на такие деньги можно было столько построить... И ещё осталось бы». Римские китайцы, которых защищает «дракон», занимаются карате, но это «заморское» (японское) искусство их не спасёт. Другое дело – китайское ушу (кун-фу), превосходство которого Ли доказывает в каждой сцене. Для расправы с «драконом» из Америки выписан супербоец Кольт, которого играет молодой, ещё безбородый Чак Норрис. Гладиаторское столкнове-

ние Востока и Запада происходит в Колизее. Восток сворачивает шею Западу на его же территории; китайское боевое искусство – и с ним весь Китай, комплексующий от национальных психотравм, нанесённых европейцами и японцами, – торжествует. «Путь дракона», вышедший в один год с шукшинскими «Печками-лавочками», – тоже авторское кино: сценарист и режиссёр Ли сыграл главную роль.

«Выход дракона» больше похож на стандартный западный боевик. Герой Ли карает преступника, предавшего законы монастыря Шаолинь. Ван Дамм говорил, что благодаря этому фильму увлёкся спортом. В «Игле» Нугманова с Цоем боевые сцены отсылают именно к «Выходу дракона».

Восхищался Брюсом Ли актёр Талгат Нигматулин. Если Кола Бельды на эстраде, а Максим Мунзук в кино отвечали за все коренные малочисленные народы Севера и Дальнего Востока, то каратист, полуузбек-полутатарин Нигматулин воплощал экзотических злодеев – от индейца Джо в «Томе Сойере» до Салеха в «Пиратах XX века». В фильме «Приказ: перейти границу» о войне 1945 года в Маньчжурии Нигматулин играл японского смертника, в «Жизни и бессмертии Сергея Лазо» – капитан-лейтенанта Мацуми. В «Восточном рубеже», одном из фильмов цикла «Государственная граница», действие которого происходит в 1929 году в Харбине, Талгат снова эксплуатировал свою восточную внешность и владение карате. Последний фильм примечателен тем, что легализовал эмигрантский «жестокий романс» Марии Во-

лынцевой «Институтка» («Чёрная моль»). В кино прозвучала харбинская версия этой песни.

Советские истерны, действие которых чаще всего происходило где-нибудь в Средней Азии, не затмили голливудских вестернов. «Фар-истернов» было ещё меньше – редкая киногруппа долетит до Дальнего Востока. Удивительно, что иногда они всё-таки долетали – и тогда в кадре появлялись Владивосток («Внимание, цунами!»), Находка («Путина»), усурийская тайга («Дерсу Узала»).

«Игра смерти» – последняя голливудская работа Ли, завершить которую он не успел. Решение сблизить актёра с героем «до степени смешения» оказалось роковым. Ли как будто заигрался со смертью, кинематографический сюжет стал жизненным. Словно сама судьба спутала Брюса Ли с его героем Билли Ло, которого пришлось доигрывать дублёру в тёмных очках на пол-лица.

(Ли скончался в тридцать два, Цой разбился на машине в двадцать восемь, Нигматулина насмерть забили сектанты в тридцать пять.)

Благодаря Брюсу Ли, этому символу «китайской идеи», Поднебесная начала преодолевать свою провинциальность. И «Оскар» Джеки Чана, и Нобелевка Мо Яня – во многом заслуга Ли. В том, что Китай наконец заговорил в полный голос, сыграла важную роль Россия, не раз защищавшая его от Запада, желавшая видеть его не только дружественным, но и самостоятельным. Мао и Ли – символы освобождения

Китая и его новой мировой роли.

Тащившиеся по боевикам с Брюсом, Чаком и Арнольдом, мы ничего не знали о Василии Ощепкове – русском ниндзя, советском Бонде, предшественнике Зорге, мастере дзюдо, создателе самбо.

В романе братьев Вайнеров «Эра милосердия», действие которого происходит осенью 1945 года, есть эпизод (не вошедший в поставленный по книге фильм Говорухина «Место встречи изменить нельзя») обучения муровцев новой борьбе. Лишь Шарапов, прошедший школу разведки, стал для инструктора Филимонова достойным соперником, но и он оказался на лопатках; инструктор объяснил: система борьбы, разработанная «товарищами Спиридоновым и Волковым», называется «самбо». Фамилию подлинного основоположника этой системы тогда мало кто знал.

Василий Ощепков родился на рубеже 1892–1893 годов на Сахалине. Его отцом был столяр Сергей Плисак, материю – каторжанка Мария Ощепкова, угодившая на остров за некое тяжкое преступление. Чехов с ней разминулся едва-едва, иначе, возможно, мы знали бы о ней больше; младенцу дали фамилию матери в силу его «незаконнорождённости» – брак был, как сказали бы сейчас, гражданским.

Жил Ощепков в посту Александровском (ныне Александровск-Сахалинский). Вскоре после смерти в 1902-м и 1904-м отца и матери опекуны отправили подростка на учёбу в Токио. Сирота попал в Токийскую православную духовную

семинарию знаменитого миссионера и востоковеда архиепископа Николая Японского (в миру Иван Касаткин, в 1970-м причислен к лику святых). Порой пишут, что последний был российским разведчиком. Это миф, но то, что в какой-то момент Россия начала направлять в Токийскую семинарию русских подростков, чтобы получить дефицитных переводчиков и разведчиков, – факт. Вот и за обучение Ощепкова в итоге стало платить российское военное ведомство, почему он позже попал в разведку. Тренировки по дзюдо, разработанному в 1880-х на основе старинного искусства «дзюдзюцу» (в русском языке, пройдя через фильтр английского, прописалось как «джиу-джитсу»), вёл в семинарии Окамото-сан – инструктор из Кодокана, главной школы дзюдо, которой руководил создатель этой борьбы Кано Дзигоро. Вскоре Ощепкова пригласили в Кодокан. В 1913-м почти одновременно он окончил семинарию и получил чёрный пояс, став первым русским и четвёртым европейцем, кому был присвоен первый дан – начальная мастерская степень. О нём писала японская пресса: «Русский медведь добился своей цели».

Ощепков вернулся в Россию и попал сначала в штаб Приамурского военного округа в Хабаровске, потом во Владивосток, в контрразведку. Городское спортивное общество предложило молодому мастеру поделиться умениями, и в 1914 году Ощепков открыл во Владивостоке первую в стране секцию дзюдо. Летом 1917 года во Владивостоке про-

шёл первый в истории международный (российско-японский) турнир по дзюдо. В том же году Ощепков получил в школе Кодокан второй дан.

В 1919 году Ощепкова мобилизовали в армию Колчака. В белогвардейском мундире он служил у интервентов – в управлении военных сообщений японского экспедиционного корпуса, вскоре начал работать на большевистскую разведку. В 1923 году Ощепков едет на занятый японцами Северный Сахалин под легендой «бэнси» – человека, который переводит и комментирует фильмы. Ощепков крутил кино для японских военных и передавал на материк данные о дислокации и вооружении частей, показал себя способным аналитиком, обращал внимание на политику, психологию, быт японцев. В 1925 году глава кинопрокатной фирмы *Slivy films* Василий Ощепков показывает кино уже в Токио, продолжая передавать в Советскую Россию разведданные под псевдонимом «Монах». Годом позже его отозвали в СССР и чуть не отдали под суд, обвинив в растрате и неплототворной работе, хотя налицо была некомпетентность кураторов, неспособных распорядиться ценным агентом: «бэнси» плохо финансировали (фильмы ему приходилось покупать за свой счёт), сводки Ощепкова зачастую никто не переводил...

Разведчик закончился – зато развернулся спортсмен. Ощепков возвращается во Владивосток, служит переводчиком, обучает дзюдо. Среди его здешних учеников – видные в будущем спортсмены Кузовлев, Жамков, Косицын. В 1927-м

Ощепкова перевели в Новосибирск, где он продолжил тренировать военных. «Дзюудо» (так тогда говорили) Ощепкова всё серьёзнее отличалось от классического. Да и раньше, во Владивостоке, он показывал приёмы защиты от револьвера, отсутствовавшие в кодокановском дзюдо. Это было уже протосамбо, алхимический синтез Востока и Запада.

С 1929 года Ощепков в Москве: инструктор Центрального дома Красной армии, преподаватель Института физкультуры. При его участии выходят руководство по физподготовке РККА и пособие по физическим упражнениям для военных. «Кабинетным» борцом он не был – не раз демонстрировал навыки в уличных схватках с хулиганами.

Историк спорта Андрей Ларионов называет годом рождения самбо 1932-й: тогда утвердили комплекс ГТО II ступени, куда вошла «новая поясная борьба». Сначала её называли «дзюу-до», потом «борьбой вольного стиля». Переименовали неслучайно: во-первых, она уже сильно отличалась от дзюдо, во-вторых, отношения СССР и Японии ухудшились и нужно было замаскировать японские корни советского искусства. Появилась легенда о том, что самбо создано на основе боевых искусств народов СССР.

Официальной датой появления самбо, однако, считается 16 ноября 1938 года, когда Спорткомитет СССР издал приказ «О развитии борьбы вольного стиля». Самого Ощепкова к тому времени уже не было в живых: он умер в Бутырской тюрьме в октябре 1937 года. Тогда в «харбинцах» и во-

стоковедах видели японских шпионов, а Ощепков к тому же служил у Колчака, работал на японцев, бывал в Харбине. В тюрьме спортсмен прожил чуть больше недели. Богатырь, которому не было и сорока пяти, в последние годы страдал стенокардией, не выходил из дома без нитроглицерина. Это, видимо, его и убило: в Бутырке таблеток не было.

На двадцать лет, до реабилитации в 1957-м, имя Ощепкова отовсюду вычеркнули. Отцами самбо называли то Анатолия Харлампиева, то Виктора Спиридонова. Именно о Харлампиеве Юрий Борецкий в 1983 году снял истерн «Непобедимый» с Андреем Ростоцким (обучение карате в СССР в 1981–1986 годах находилось под запретом; случайно ли кино, пропагандирующее отечественное самбо и, прямо скажем, фальсифицирующее историю, появилось именно в это время?).

В основе самбо лежит именно система Ощепкова. Роль Спиридонова, по большому счёту, свелась к тому, что эту систему в конце 1940-х нарекли придуманным им словом «самбо» (звучит по-восточному экзотично, а расшифровывается скромно: «самозащита без оружия»). Что касается Харлампиева, то он был учеником Ощепкова и продолжил дело учителя, хотя его роль в сохранении ощепковского наследия интерпретируют в широком диапазоне: от «спас» до «присвоил».

Самбо постепенно завоёвывало страну и мир; в 1964 году, после того как дзюдо стало олимпийским видом спорта,

СССР направил на Токийскую олимпиаду самбистов. Они «выносили» дзюдоистов так, что уже в 1965-м в Японии появилась своя федерация самбо, а советские методички стали переводить на японский. Так искусство Ощепкова вернулось на историческую родину.

Мы не сделали из самбо того, что сделали из восточных единоборств Гонконг и Голливуд, хотя наш «Монах» не менее крут, чем монахи Шаолиня, а самбо – столь же конкурентоспособный экспортный российский товар, как икра, газ, «калаш» и литература. Узнай Кано Дзигоро об успехах самбиста Фёдора Емельяненко – многократного чемпиона мира по смешанным единоборствам, «Последнего императора», – наверняка был бы горд за себя и своего русского ученика Ощепкова.

Строителями империи оказывались первопроходимцы и авантюристы, каторжане и ссыльные, офицеры и священнослужители. Сама территория заставляла человека перерастать себя.

Священники, отправлявшиеся на Дальний Восток, были миссионерами в самом широком смысле слова.

Именно священники стали первыми русскими востоковедами – как, например, отец Иакинф Бичурин, глава русской духовной миссии в Китае.

Митрополит Иннокентий Вениаминов, прибывший в миссию на Алеутах в 1824 году, прожил в Русской Америке пят-

надцать лет. Оставил записки об Алеутских островах, высоко оценённые Гончаровым, перевёл на алеутский язык Евангелие, издал алеутский букварь. Позже занялся тем же в Якутии. Он же отыскал новую дорогу от Якутска к Охотскому морю, после чего был основан новый порт – Аян.

Священники становились лингвистами, этнографами, переводчиками, издателями. Участвовавший с тем же Гончаровым в походе на «Палладе» архимандрит Аввакум был и китаеведом, и дипломатом.

Священник Тихон Шаламов в 1893–1904 годах служил настоятелем Воскресенского храма на острове Кадьяк; основал школу для алеутов и – ещё до учреждения в США «Анонимных алкоголиков» – общество трезвости. Был не только священником, но просветителем, экологом, правозащитником, социологом. Из рук будущего патриарха Тихона (Беллавина), тогда епископа Алеутского и Аляскинского, получил золотой нагрудный крест «за крепкостоятельное служение на пользу православия среди инославия». В одном из рассказов его называвший себя атеистом сын Варлам, для которого невольным подвигом и жестоким монастырём стали колымские лагеря, опишет судьбу того самого креста. Слепший, обедневший старик священник рубит золото топором, чтобы купить еды, и говорит жене: «Разве в этом Бог?» Интересно, что шаламовские Вологда, Кадьяк и Магадан лежат почти на одной параллели; Кадьяк даже чуть южнее.

Архимандрит Палладий (Кафаров) писал работы о мор-

ском сообщении между Шанхаем и Тяньцзинем, о восстании тайпинов, составлял китайско-русский словарь. В Приморье занимался археологическими и этнографическими изысканиями.

В токийской семинарии Николая Японского для России готовили профессиональных разведчиков.

Священник, философ Павел Флоренский, попав в 1933 году за решётку, написал в приамурском городе с оригинальным названием Свободный, где располагалось управление БАМлага, работу «Предполагаемое государственное устройство в будущем». В 1934-м в Сквородине на опытной мерзлотной станции проводил научные исследования, впоследствии использованные его сотрудниками Быковым и Каптеревым в книге «Вечная мерзлота и строительство на ней» (1940).

Даже в наши дни священник на Дальнем Востоке отличается от священника средней полосы. Митрополит Тихон (Шевкунов) пишет, как наместника Псково-Печерского монастыря архимандрита Гавриила, известного суровым нравом, перевели в Хабаровск: «Священники на Дальнем Востоке были совсем другими людьми, нежели печерские монахи. О беспрекословном послушании, к которому привык Владыка Гавриил в монастыре, здесь говорить было весьма сложно... Однажды в храме какой-то священник затеял весьма дерзкую перепалку с Владыкой Гавриилом. Тот... грозно пресёк его. В Печорах это было в порядке вещей. Но

здесь батюшка пришёл в ярость и с выражениями, далёкими от церковнославянского языка, схватил один из богослужебных предметов, острое копие, – и пошёл с ним на своего архиерея». Владыка Гавриил спустил дерзкого батюшку с лестницы, за что был запрещён в священнослужении на три года.

Для освоения и удержания земель нужны были люди, много людей, не только военные и не только ссыльные.

Кстати оказалась отмена крепостного права: наделы освобождённых крестьян оказались малы, оставалось арендовать землю у помещиков, подаваться в город либо отправляться на восток.

Наряду с принудительным началось добровольное переселение. Крестьянам давали по сто десятин земли, освобождали от рекрутской повинности на десять наборов и от платы за землю на двадцать лет¹⁷. Ехали сначала сушей (дорога могла занимать два-три года) – из Черноземья, Поволжья, Сибири... С 1880-х – пароходами «Доброфлота» из Одессы (тогда на восток поехали украинцы, прозванные Приморье «Зелёным Клином»). С первых лет XX века – железным Транссибом.

---

¹⁷ В конце 1930-х первый секретарь Приморского крайкома ВКП(б) Николай Пегов добивался введения для переселенцев налоговых льгот, бесплатного проезда на Дальний Восток, выделения лесных участков, разработки системы поощрений для остающихся в крае демобилизованных солдат и матросов. В 2016 г. правительство РФ в тех же целях объявило программу «Дальневосточный гектар», однако население ДВФО с 1992 г. и по сей день уменьшается.

Поражение в войне с Японией обострило «приморский вопрос». Начался столыпинский этап заселения.

Пришельцы из средней полосы России или с Украины попадали в край, где гуляли тигры, извивались лианы, рос виноград и пробковое дерево, бушевали тайфуны.

Многие везли в Приморье камни – гнёт для засолки капусты. Может быть, из опасения: вдруг там, на краю света, и камней нет. Или же из сентиментальных соображений: камни служили семьям столетиями, их брали с собой как символ оставленного очага.

Гибли, выживали; был немалый поток «обратников»: далеко не у всех хватило сил прижиться на новом месте.

И всё-таки население Дальнего Востока росло.

Дежнёвских, шалауровских, стадухинских казаков геофизик и писатель Олег Куваев сравнивал с советскими бичами 1950–80-х, без которых освоение Крайнего Севера заметно затормозилось бы.

Считается, что слово «бич» – морского (от *beach* – берег) происхождения, но мы сейчас имеем в виду бичей других – таёжных и тундровых. Некоторые путают бичей с бомжами – ошибка грубейшая. Бичи – люди маргинализованные, но далеко не бесполезные, а в дальневосточных условиях часто незаменимые. Герой романа Анатолия Буйлова «Тигроловы» говорит: «Бичей хоть и поругивают, а без них нам туго бы пришлось. Рабочих рук на Дальнем Востоке не хвата-

ет. Вот, к примеру, работал я в позапрошлом году в геологоразведочной экспедиции. Живут в тайге в палатках. Заработки не ахти какие высокие, а условия, мягко говоря, не лёгкие. Степенный, семейный человек поработает в такой шараге два-три месяца и увольняется. Потому что ему нужна квартира, а где её в экспедиции возьмёшь? А бич неприхотлив. Поработал на сезонке полгода и дальше перебрался... Бичи для осваиваемых районов нужны. Где шарага, где плохое снабжение, скверная организация, трудные условия – там и бичи. Взять Цезаря нашего. Пять лет он топит тепляки в нашем леспромхозе – живёт в вагончике или в таком вот барачке. Зимой тепляк топит, а летом здесь в тайге остаётся сторожить инвентарь, бензин и прочее. Вырвется раз в месяц в деревню, в общежитии поживёт, с бичами водку попьёт и опять в тайгу. Ну кто бы на такую работу пошёл, кроме бича? А его сменщик десять лет на такой работе проработал».

О том же говорит герой «Территории» Куваева: «Города не возникают на пустом месте. Чтобы сюда устремились за той самой романтикой, требовался работяга по кличке Кефир. Биография его не годится в святцы, но он честно делал трудную работу. В этом и есть его святость. Нет работы без Кефира, и Кефир не существует без трудной работы. Потом, наверное, станет иначе. Большеглазые девушки у сложных пультов – всё как на картинке. Но сейчас работа груба. Вместо призывов – мат, вместо лозунгов – дождик, вместо регламентных трудностей – просто грязь и усталость».

Герой куваевских же «Правил бегства»: «В официальной истории они называются казаки-землепроходцы. Официальная история – чушь. Это были бичи, голытьба, рвань. Что главное в любом босяке? Ненависть к респектабельным. Ненависть к живым трупам. Где респектабельность – там догматизм и святая ложь. Ложь! Он бежит, чтобы не видеть их гладких рож, пустых глаз и чтобы его не стеснял регламент. Он бежит от лжи сильных. Он ищет пустое место, куда они ещё не добрались. В тот момент на востоке было пустое место. Туда и бежали твои землепроходцы. А по их следам шли респектабельные, чтобы установить свой идиотский порядок. И принести туда свою ложь».

Маргиналы – люди окраины и одновременно – передового рубежа, они всегда – на грани познанного и потаённого, передовой дозор, разведгруппа человечества.

Здоровая империя непостижимо мудра. Она всё обращает себе на пользу. Нокаутирует противника в контратаке, как боксёр Тайсон. Прирастает каторгами, войнами, бунтами (революция – одна из форм эволюции). Расширяется, подобно Вселенной после Большого взрыва.

Логика истории нелинейна, диалектична, парадоксальна. Проигрыш в Крымской войне подтолкнул возвращение России на Амур. Агрессия Англии и Франции привела Китай и Россию к союзу и новому разграничению земель. Потеря Порт-Артура и южной ветки КВЖД усилила Владивосток и

ускорила достройку Транссиба. Вторжение Японии в Маньчжурию заставило советскую власть восстанавливать Тихоокеанский флот, строить альтернативный Владивостоку Ванинский порт, зачинать БАМ. Не будь агрессии Германии на западе и Японии на востоке, и Россия могла не вернуть себе южный Сахалин.

Закон работает и применительно к человеку: вызовы, перегрузки, опасности до известного предела действуют мобилизующе, покой и комфорт – расслабляют.

Дальневосточные республики

Русская Америка закончилась в XIX веке. На рубеже XIX и XX веков начался русский Китай – «Желтороссия».

Ещё Невельской в отчёте об Амурской экспедиции писал: устье Сунгари и весь бассейн Уссури должны принадлежать России, Амур – только «базис наших действий». В 1864 году в «Военно-статистическом обозрении Приамурского края» молодой Пржевальский напишет: «Чтобы вполне воспользоваться выгодами, представляемыми бассейном Амура, нам необходимо владеть и важнейшим его притоком Сунгари, орошающим лучшую часть этого бассейна, и, кр. того, в своих верховьях близко подходящим к северным провинциям Китая» (из последних слов видно, что Маньчжурию – нынешний северо-восток КНР – Китаем тогда вообще не считали). В 1895 году начальник Главного штаба генерал Обручев в записке Николаю II заявлял: для упрочения позиций на Тихом океане России следует занять север Маньчжурии, включая бассейн Сунгари, и часть Северной Кореи. Иначе защищать и снабжать Владивосток будет сложно, враги отрежут Уссурийский край от России.

Удобный случай дала Японо-китайская война 1894–1895 годов, когда японцы вырезали Порт-Артур, заняли Ляодун и Тайвань. Россия, Германия и Франция при подписании Симоносекского договора вынудили Японию отказаться от

Порт-Артура, а уже в 1896 году Россия и Китай заключили соглашение о строительстве Китайско-Восточной железной дороги. В 1898 году Россия арендовала Ляодунский полуостров, построила порт Дальний, получила военную базу Порт-Артур. Название восходит ко Второй «опиумной войне», когда Ляодунский полуостров захватили англичане¹⁸; в 1897 году они намеревались вновь занять Порт-Артур, но русские увели базу буквально из-под носа.

Одну из железнодорожных партий, занимавшихся изысканиями в Корее и Маньчжурии, возглавлял писатель Гарин-Михайловский. Путешествия тогда были занятием не только героическим, но и осмысленным, преследовавшим конкретные цели – военные, колонизационные, культурные, научные. Путешествие было вызовом буржуазности, странствие было Делом. Это был настоящий русский туризм, осмысленный и беспощадный – часто к самому себе. У кого кругозор шире – у невыездного Пушкина или современного буржуа, объехавшего полмира? Как количество понятых книг важнее количества прочитанных, так и перемещение тела в пространстве само по себе не даёт ничего, кроме иллюзии осмысленности собственного существования.

---

¹⁸ По одной версии, эту гавань, где располагался китайский посёлок Люйшунь, англичане переименовали в честь принца Артура Уильяма Патрика, герцога Коннаутского и Стратернского, будущего фельдмаршала. По другой, своё имя Порт-Артур получил из-за того, что в 1860 г. здесь ремонтировался британский корабль, которым командовал лейтенант Уильям К. Артур.

КВЖД с полосой отчуждения, эта страна в стране, связала Забайкалье с Приморьем напрямую – через территорию Китая. Южная ветка КВЖД шла к Порт-Артуру. Столицей КВЖД стал Харбин, вплоть до 1940-х остававшийся полурусским городом. «Магазины, рестораны, кафе, кондитерские, конторы, учреждения, гимназии и высшие учебные заведения – сплошь с вывесками на русском языке», – вспоминал писатель, эмигрант Валерий Янковский. Генералу Белобородову, в 1945 году ставшему комендантом Харбина, казалось, что он попал в старую Россию: «По улицам катили пролётки с извозчиками в поддёрвках и высоких цилиндрах, пробегали стайки девочек-гимназисток, степенно шагали бородатые студенты в мундирах и фуражках со значками политехнического института...»

Желтороссия подразумевала превращение в Россию части Китая – не наоборот.

Активность России в Корее и Китае нервировала Японию, уже считавшую эти территории зоной своего влияния.

Если в XIX веке главными империалистами были Англия и Франция, то теперь наступала очередь Германии, США и – единственной из азиатских стран – стремительно развившейся Японии. Эти государства и Советская Россия определили контуры XX века.

В 1904-м грянула война, лишившая Россию Порт-Артура, Дальнего, южной ветки КВЖД, половины Сахалина.

Проект «Желтороссия», однако, не был свёрнут. В 1920-

х КВЖД управляли советские служащие. Большевицкая Москва рассчитывала на советизацию Китая. В 1925 году Сунь Ятсен умер, отношения СССР с Китаем вскоре испортились, в 1931-м Маньчжурию заняла Япония, которой Советскому Союзу пришлось продать КВЖД. В 1945-м Далянь и Порт-Артур снова заняла русская армия. Окончательно проект «Желтороссия» свернули в 1955-м. Дальний стал Далянем (при японцах был Дайреном), Порт-Артур – Люйшунем.

На Дальнем Востоке после Даманского, в 1972 году, прошла топонимическая реформа: нерусские названия рек, сопкок, посёлков (не только китайские, но и нанайские, удэгейские) заменили русскими. Шамора стала бухтой Лазурной, Пидан – горой Ливадийской, Тетюхе – Дальнегорском, появились целые гроздья Медвежьих гор. Менее известно, что ровно то же происходило на северо-востоке Китая, где с начала XX века бытовали русские «кавэжэдинские» топонимы. Их было сравнительно немного; в русской традиции – сохранять местные названия, из-за чего на карте России столько топонимов финно-угорского и тюркского происхождения. Но всё-таки и русские названия в Китае были: станции Драгоценка, Караванная, Ключевая, Дубовая, гора Головань, станции и разъезды КВЖД: Маньчжурия, Широкая Падь, Эхо... Была даже амурская деревня Матёра. С 1963 года, когда отношения маоистского Китая и хрущёвского СССР разладились, началась китаизация топонимики, завершившаяся

в 1977-м. С маньчжурской Матёрой пришлось проститься – в те же годы, что и с ангарской (повесть Валентина Распутина, действие которой происходит в середине 1960-х, вышла в 1976-м). Мало кто знает, что Ябули – горнолыжный курорт под Харбином, место проведения Зимних Азиатских игр и XXIV Зимней Универсиады – это бывшие русские Яблони.

Дальневосточная республика, на гербе которой вместо серпа и молота изобразили якорь и кайло, существовала чуть больше двух лет – с весны 1920-го по осень 1922-го. Порой говорят, что это была прекрасная демократическая альтернатива Советской России, безжалостно растоптанная большевиками... Миф часто красивее породившей его действительности. Факт же в том, что Дальневосточная республика, этот фантом с кочующей столицей, была придумана красной Москвой и ею же упразднена, как только в существовании ДВР исчезла необходимость. Независимой ДВР была только на бумаге; рискну предположить, что куда сильнее на самостоятельное государство походил колымский трест «Дальстрой».

И всё-таки многое в ДВР было крайне любопытным.

В 1918 году во Владивостоке высадился десант интервентов – Советы пали. В начале 1920 года красные партизаны вошли в города, где стояли японские гарнизоны. Руководители Советской России решили, дабы не воевать на два фронта, создать «красный буфер» – демократическую, де-

юре суверенную страну, а восстановление Советов отложить. Ленин писал: «Вести войну с Японией мы не можем и должны всё сделать для того, чтобы попытаться не только отдалить войну с Японией, но, если можно, обойтись без неё»¹⁹.

Дальневосточную республику провозгласили 6 апреля 1920 года в Верхнеудинске (ныне – Улан-Удэ). Там же располагалась её столица, позже перекочевавшая вслед за Народно-революционной (фактически – Красной) армией республики в Читу. В 1921 году у ДВР появились Конституция и правительство во главе с большевиком Александром Краснощёковым. В республику включили Забайкалье, Приамурье, Приморье, Камчатку и Северный Сахалин, но фактически дальше Забайкалья власть ДВР поначалу не распространилась.

Республика, которую немедленно признала РСФСР, отнюдь не была победой дальневосточного сепаратизма. Если появление в те же годы мини-республик на Кубани или Донбассе было связано с «местническими тенденциями», то ДВР была учреждена сверху, исторических корней не имела. Вот как описывал республику в повести «По ту сторону» писатель Виктор Кин (настоящая фамилия – Суровикин, большевик-подпольщик, в 1921 году попавший на Дальний Восток): «О, это была весёлая республика – ДВР! Она была мо-

---

¹⁹ В этот же период Ленин говорил, что будто бы готов продать или отдать Америке на 60 лет Камчатку, вёл об этом переговоры. Эти шаги делались для того, чтобы сравнить между собой США и Японию.

лода и не накопила ещё того запаса хронологии, имён, памятников и мертвецов, которые создают государству каменное величие древности. Старожилы ещё помнили её полководцев и министров пускающими в лужах бумажные корабли, помнили, как здание парламента, в котором теперь издавались законы, было когда-то гостиницей, и в нём бегали лакеи с салфеткой через руку. Республика была сделана только вчера, и сине-красный цвет её флагов сверкал, как краска на новенькой игрушке».

ДВР имела все внешние признаки самостоятельного государства: правительство, символику, почтовые марки, законы... Власти печатали свои деньги («буферки»), но в ходу была и разномастная валюта, и царское золото.

Историк Юрий Качановский указывает: в ДВР не было ни военного коммунизма, ни нэпа. «С самого начала допускалась свобода торговли и частного предпринимательства. Не были национализированы банки. Не вводился рабочий контроль, не требовались обязательные коллективные договоры предпринимателей с профсоюзами. Не конфисковывались жилища богачей, рабочие не переселялись в лучшие квартиры. Сохранялись частные школы, не было школьного налога на буржуазию. Не вводилось уравнильно-трудовое землепользование, частным лицам сдавались в аренду большие участки пашни и лугов. Не создавались комбеды, не вытеснялось кулачество». Действовало всеобщее избирательное право, сохранялась многопартийность. Вместе с тем по-

литику республики направляло Дальбюро ЦК РКП(б), важнейшие вопросы решались в Москве.

В 1921 году главкомом Народно-революционной армии ДВР стал Василий Блюхер, которого позже сменил Иероним Уборевич. Покончив с «читинской пробкой» атамана Семёнова, армия шла на восток и на юг – на белое Приморье. Противник отступал с боями («Штурмовые ночи Спасска, волочаевские дни...»). 25 октября 1922 года армия заняла Владивосток, последний островок некрасной России, откуда японцы согласились вывести войска.

На этом история ДВР закончилась. Трудящиеся республики потребовали воссоединения с Советской Россией, и уже в ноябре 1922 года Дальневосточная республика влилась в РСФСР. На пленуме Моссовета Ленин произнёс знаменитые слова о том, что Владивосток – далеко, но «это город-то нашенький». То есть никакой больше самостоятельности, даже на бумаге. Дальневосточную республику поглотила единая Россия.

Удивительно, как Приморье умудрилось в те годы не отвалиться от России. Словно жидкий терминатор, страна разделилась, чтобы потом собраться вновь.

Миф о ДВР стал актуальным в перестройку и сразу после неё. В 1992 году некая Дальневосточная республиканская партия даже потребовала референдума о восстановлении ДВР, угрожая сформировать временное правительство и выступить в ООН и Гааге (тогда это не выглядело совсем

уж бредом – вот и свердловский губернатор Россель успел-таки в 1993-м создать Уральскую республику). Якутия установила на границе с Амурской областью таможенные посты и взимала плату за въезд на «суверенную территорию». Хабаровский губернатор Ишаев вспоминал: в 1992 году на заседании Ассоциации экономического взаимодействия регионов Дальнего Востока вице-премьер РФ Махарадзе сказал, что правительство и президент «весьма обеспокоены участвовавшими высказываниями официальных лиц о создании Дальневосточной республики...»

К началу нового века всё стихло; сегодня едва ли можно говорить о дальневосточном сепаратизме всерьёз.

Ещё одна фантомная страна Дальнего Востока, неудавшийся эксперимент – Зелёный Клин, вторая Украина. В смутных 1917–1919 годах во Владивостоке проходили съезды украинцев Дальнего Востока. На одном из них избрали Украинский Дальневосточный секретариат во главе с Юрием Мовой-Глушко. Предполагалось, что власть возьмёт Дальневосточная Рада; появился проект Конституции украинцев Дальнего Востока. Территорией украинской республики могли стать Приамурье и Приморье в варианте-минимум; звучали названия «Зелёная Украина» и «Новая Украина». Во Владивостоке выходила газета «Украинец в Зелёном Клине», в Благовещенске – «Амурский украинец», в Харбине, где создавалась украинская армия полковника Слищенко

для похода на советский Дальний Восток («Далекий схід»), – «Засів».

Если просоветская Дальневосточная республика была по сути имперским, хотя и неимперским по форме проектом, то Зелёный Клин (он же «Закитайщина») – антиимперским. Интересно, что его закрыл уже в 1919 году Колчак. После падения Колчака надежды украинских националистов связывались с атаманом Семёновым. Однако советская власть, к концу 1922 года установившаяся на всём Дальнем Востоке, создавать Зелёный Клин не позволила; лидеров украинских организаций судили.

Перебравшиеся в Харбин рассчитывали на японцев, которые обещали в обмен на помощь в войне против СССР создать на Дальнем Востоке независимое украинское государство. Востоковед, писатель Георгий Пермяков упоминает заявление украинцев Харбина на имя начальника Японской военной миссии за подписью «самостийника» Кулябко-Корецкого: «Украинцы-отделенцы просили Японию сделать их собственностью русское Приморье».

Причудливый зигзаг советской национальной политики: в 1931-м в ряде районов Приморья, где с царских времён преобладали малороссы (отсюда многочисленные топонимы: Киевка, Полтавка, Чугуевка, Черниговка и т. д.), начали открывать украинские школы, выпускать газеты, вводить документооборот на украинском, изготавливать вывески. В прессе клеймили «русотяпов», саботировавших украиниза-

цию из соображений великорусского шовинизма. Появились украинские национальные районы: Черниговский, Ханкайский, Спасский, Калининский. Однако уже в конце 1932 года эту политику свернули.

Обилие украинских фамилий в Приморье удивляет приезжих и сейчас. Однако перепись населения 2010 года зафиксировала: за прошедшие после предыдущей переписи восемь лет число тех, кто относит себя к украинцам и белорусам, сократилось в Приморье вдвое (зато впятеро выросло число узбеков). По данным переписи, 92,5 % приморцев назвали себя русскими. Далее идут украинцы (2,8 %), корейцы (1 %), татары (0,6 %), узбеки (0,5 %), белорусы (0,3 %), армяне (0,3 %), китайцы (0,2 %), азербайджанцы (0,2 %), мордва (0,1 %). В 2018 году советник украинского президента Порошенко Олег Медведев заявил о желании украинизировать юг Дальнего Востока, но почвы для этого сегодня не больше, чем для китаизации или, скажем, маоризации.

Один из самых экзотических регионов России – Еврейская автономная область у китайской границы. Она появилась в 1934 году, задолго до Израиля, став первым воплощением мечты евреев о своей земле.

Ещё в 1924 году при правительстве СССР появился Комитет по земельному устройству еврейских трудящихся. Высказывались идеи создания еврейской автономии в Крыму, но глава республики, лидер крымских татар Ибраимов

выступил против. Тогда почвовед Вильямс предложил рассмотреть Амур. Вскоре вышло постановление «О закреплении за КомЗЕТом для нужд сплошного заселения трудящимися евреями свободных земель в приамурской полосе Дальневосточного края». Кремль преследовал в том числе геополитические цели: заселить пустующий приграничный регион. Из Китая, где красного Сунь Ятсена сменил чуждый идеям Коминтерна Чан Кайши, проникали диверсанты-белоэмигранты и хунхузы. Конфликт вокруг КВЖД выльется в локальную войну 1929 года. Ещё через три года Япония создаст в Китае, у границ СССР, государство-плацдарм Маньчжоу-го...

Уже в 1928 году возникло первое еврейское поселение на Амуре – Бирофельд. В прото-Израиль ехали евреи со всего мира, в том числе из депрессивной Америки. Вокруг станции Тихонькой рос город Биробиджан, в имени которого слились реки Бира и Биджан. В 1935 году число евреев в автономии, чуть не вдвое превосходящей Израиль по площади, достигло четырнадцати тысяч человек, или 23 %. Впоследствии эта доля лишь сокращалась.

Заселению мешали экономические трудности, ежовщина (первого главу ЕАО Либерберга расстреляли как троцкиста, КомЗЕТ в 1938 году расформировали), война... В 1948-м возник Израиль, где вместо идиша, слишком близкого к скомпрометированному Гитлером немецкому, возродили древний иврит. В 1989–2010 годах доля евреев в ав-

тономии сократилась с 4,1 % до 1 % (около полутора тысяч человек), доля русских выросла с 83 % до 92 %. Не совсем понятно, как называть жителей ЕАО; существует необщепринятый термин «еврейцы». В Еврейской автономии до сих пор выходит газета «Биробиджанер Штерн» с вкладкой на идише. Вывеска на вокзале Биробиджана и таблички с названиями улиц по-прежнему двуязычны. Это единственная территория планеты, где идиш – в законе.

«Штерн» значит «Звезда» – так называлась повесть Эммануила Казакевича о фронтовых разведчиках. До войны Казакевич строил Еврейскую автономию, а его отец Генех (Генрих) редактировал ту самую «Биробиджанер Штерн». Казакевич-младший руководил колхозом «Валдгейм», стройкой Дома культуры, возглавлял театр, переводил на идиш Пушкина и Лермонтова, Горького и Арбузова, публиковал стихи, написал пьесу «Молоко и мёд» («Милхун хоник»).

Война иногда обнаруживает в людях таланты, которые в них никто не мог предположить. В 1941 году стихи Казакевича вошли в сборник «Фарн эймланд, ин шлахт!» – «За Родину, в бой!». Поэты тогда отвечали за слова и без колебаний брали в руки оружие. Освобождённый от армии по зрению, белобилетник Казакевич пошёл в ополчение, расстав по карманам запасные очки. Попал в писательскую роту вместе с авторами «Красных дьяволят» и «Дикой собаки Динго...» Павлом Бляхиным и Рувимом Фраерманом. Этого ему

было мало. Он рвался в бой, подобно уволенному из армии по здоровью Гайдару, который стал бойцом партизанского отряда, или Хемингуэю, то и дело превышавшему полномочия военкора-«нонкомбатанта». Офицерские курсы, военкорство, побег на передовую, ночные поиски, захват «языков», ранение, боевые ордена, возвращение в Москву на трофейном «опеле»... Русский прозаик Казакевич рождён войной: раньше он писал стихи на идише, теперь – прозу на русском. «В окопах Сталинграда» Виктора Некрасова и «Звезда» Казакевича, опубликованные в 1946 и 1947 годах, открыли лейтенантскую прозу Великой Отечественной.

Дочери строителя Израиль-на-Амуре перебрались в Израиль настоящий, южный.

Не только ЕАО – весь Дальний Восток был землёй обетованной, территорией самореализации, воспитания, эксперимента.

Для попавших сюда не по своей воле он стал местом сурового испытания и даже проклятием.

Трест «Дальстрой», существовавший на северо-востоке СССР в 1931–1957 годах, соотносят с такими колониальными монстрами, как «Компания Гудзонова залива» или «Ост-Индская компания». Сравнение, конечно, хромает: сильнее всего «Дальстрой» – экспериментальное «государство в государстве» – был похож сам на себя.

Его крёстным отцом стал геолог Юрий Билибин, от-

крывший большое золото Колымы. Главной задачей «Дальстроя» – Государственного треста по дорожному и промышленному строительству в районе Верхней Колымы – стала добыча золота, валютного ресурса, пушнины XX века. До войны им оплачивали индустриализацию, во время войны – помощь союзников, после войны – восстановление разрушенной страны. Специалистов привлекали в «Дальстрой» зарплатами, льготами, перспективами. Широко применяли труд заключённых. «Спецконтингент» Севвостлага стал на Колыме рабочей силой, строившей прииски, посёлки, дороги, фабрики (сейчас в основном руинированные) в условиях вечной мерзлоты.

4 февраля 1932 года на пароходе «Сахалин» в порт Нагаево (будущий Магадан) прибыл первый директор «Дальстроя» Берзин – выпускник Берлинского художественного училища, ветеран Первой мировой и Гражданской, латышский стрелок. На фото он напоминает партизанского командира Ковпака: бородка, орден, харизма... О нём хорошо отзывался Шаламов: «Эдуард Петрович Берзин пытался, и весьма успешно, разрешить проблему колонизации сурового края и одновременно проблемы “перековки” и изоляции. Зачёты, позволявшие вернуться через два-три года десятилетникам. Отличное питание, одежда, рабочий день зимой – четыре-шесть часов, летом – десять часов, колоссальные заработки для заключённых, позволяющие им помогать семьям и возвращаться после срока на материк обеспеченны-

ми людьми». В годы «берзинского либерализма» на Колыме широко экспериментировали с вольными поселениями, как на чеховском Сахалине. «Колымский ад» начался уже после, когда пришли другие времена и люди. Берзина, расстрелянного в 1938-м (он будто бы морем гнал золото за границу и хотел отторгнуть Дальний Восток в пользу Японии) и реабилитированного в 1956-м, сменил Карп Павлов. В том же 1938-м посадят начальника Севвостлага Степана Гаранина (умрёт в лагере); Павлов застрелится в оттепельном 1957-м.

Помимо золота, «Дальстрой» давал олово (до того стратегический «металл № 2» покупали за рубежом), вольфрам, кобальт, уран. У треста имелась и другая миссия – освоение перемороженных, далёких, необжитых пространств, вовлечение Дальнего Севера в «единый народнохозяйственный комплекс страны». Магадан изначально мыслился не как временный старательский Доусон, а как современный город для жизни. На Колыме не только добывали руды, но обживали землю, застраивали её городами, дорогами и заводами, не считаясь с затратами.

И армия, и геология (если говорить о науке, занимающейся фундаментальными вопросами познания мира, а не о поисках, допустим, нефти) – нерыночные институты. В таких местах, как Север и Дальний Восток, обычное понятие выгоды отходит на второй план. Рынок пусть будет там, где много людей, денег и тепла, а здесь не до рынка, здесь он не сможет работать или будет тянуть не в ту сторону. Здесь результат

дают только мобилизация, госплан, порой – и насилие, что ставит вечный вопрос о целях и средствах.

Задолго до прихода царской и советской власти коренные северяне поняли: единственный путь выживания здесь – не конкуренция, а кооперация. Отсюда – «первобытный коммунизм», отмеченный Арсеньевым, коллективизм, отсутствие воровства...

«Комбинат особого типа, работающий в специфических условиях, и эта специфика требует особых условий работы, особой дисциплины, особого режима» – так охарактеризовал «Дальстрой» Сталин. Сначала трест находился в подчинении Совета труда и обороны СССР. В 1938 году его передали НКВД, переименовав в Главное управление строительства Дальнего Севера (сокращённо – просто ДС). «Дальстрой» относился к Дальневосточному, а позже Хабаровскому краю лишь формально. Де-факто это была территория с особым статусом, где власть советских и партийных органов была серьёзно ограничена. Территория эта постоянно прирастала. На своём пике империя «Дальстроя» занимала пространство от Якутии до Чукотки, от Охотского и Берингова морей до Ледовитого океана – в общей сложности до трёх млн кв. км, одна седьмая площади СССР. Здесь действовали свои писанные и неписанные законы. Олег Куваев в «Территории» вывел «Дальстрой» под именем «Северстроя»: «На земле “Северстроя” слабый не жил. Слабый исчезал в лучший мир или лучшую местность быстро и незаметно. Кто

оставался, тот был заведомо сильным».

В считанные годы Северо-Восток стал «валютным цехом страны». К 1956 году «Дальстрой» дал 1148 тонн золота, 62 тысячи тонн олова, 3 тысячи тонн вольфрама, 398 тонн кобальта, 120 тонн урана... Непарадная сторона известна из «Колымских рассказов» Шаламова, «Крутого маршрута» Гинзбург, «Чёрных камней» Жигулина. На Колыме побывали ракетный конструктор Королёв, артист Жжёнов, генерал Горбатов, писатель Домбровский... Поэт Нарбут погиб на Колыме. Мандельштам до Нагаево не доехал – умер во Владивостоке, на пересылке.

На Колыме родились музыкант Шевчук (в Ягодном; так и хочется переставить ударение на второй слог), артист Шифрин, провёл детство писатель Аксёнов... Среди заключённых встречались поразительные, невероятные типы. Чего стоит изобретатель музыкального инструмента «терменвокс» и подслушивающих «жучков» Лев Термен, который в Магадане работал бригадиром строителей, пока его не перевели в «туполевскую шарашку» (в 1991 году, на излёте СССР, девяностопятилетний Термен вступит в КПСС, объяснив: «Обещал Ленину»). Среди подневольных строителей Комсомольска-на-Амуре был Мирон Мержанов – «личный архитектор Сталина», возводивший подмосковную дачу вождя и резиденцию «Бочаров Ручей», автор эскизов медалей «Золотая Звезда» и «Серп и Молот», которыми награждали Героев Советского Союза и Социалистического Труда. Пе-

вещ Вадим Козин, отбыв второй срок, остался в Магадане – то ли из-за «нехороших» мужеложеских статей, то ли Козин действительно, как считал Шаламов, был стукачом. В 1949–1951 годах в Ванине отбывал заключение легендарный подводник, автор «атаки века» Александр Маринеско, осуждённый за разбазаривание социалистической собственности.

Оттепель пришла на Колыму в 1953-м. Здесь образовали Магаданскую область, «Дальстрой» передали от МВД в Минцветмет, а в 1957-м упразднили. Великая и ужасная эпоха героев и мучеников завершилась.

Годы и города

Дальневосточных городов немного. Они расположены неблизко друг от друга. Может быть, поэтому у каждого – своё лицо. Они не сливаются в нечто усреднённое – они неповторимы. Они штучные, как алмазы с собственными именами, гении или краснокнижные амурские тигры.

Они похожи на остроги, заставы, пикеты: десантировались, окопались, держимся до подхода основных сил, построив казарму, баню, котельную и бокс для техники. Дальневосточники напоминают упрямые кривые деревья, выросшие на скалах, где, кажется, и почвы нет. Живём, держась прямо за камень неожиданно быстро отросшими корнями. А почва появится.

Владивосток описан двумя цитатами двух Владимиров – Ленина и Высоцкого. Первый назвал его городом далёким, но нашенским. Второй за четверть века до открытия города для иностранцев спел: «Открыт закрытый порт Владивосток...» Продолжение фразы – «...но мне туда не надо» – владивостокцы обычно опускают.

Считается, что название «Владивосток» придумал Муравьёв-Амурский (по другой версии – один из его подчинённых, подполковник Дмитрий Романов). Владивосток получил имя на вырост и по аналогии с Владикавказом, где до

этого служил Муравьёв. Владикавказ был крепостью южного рубежа, Владивосток должен был отвечать за восточный.

Претенциозная владивостокская топонимика содержит и второй, более глубокий слой.

Бухту в центре будущего города называли Золотым Рогом, пролив, отделяющий материковый Владивосток от Русского острова, – Босфором-Восточным. В советской школе нам объясняли, что очертания бухты и пролива напомнили Муравьёву-Амурскому Стамбул. Тогда это объяснение удовлетворяло. Потом я понял, что дело не в Стамбуле, а в Константинополе – «Втором Риме». В 1850-х Россия, проиграв войну за Царьград, как бы в компенсацию снабдила новую восточную гавань византийскими названиями: наши Римы отрастают, как головы Лернейской гидры, все не перерубите. Золотой Рог и Босфор-Восточный символизировали перечёркнутые Крымской войной, но оставшиеся живыми мечты. Владивосток – побочное дитя той неудачной войны – с рождения претендовал на статус запасного, уже четвёртого (после Москвы) Рима, нового Константинополя, где вместо Чёрного и Средиземного морей, разделённых не нашими проливами, распахивался весь Тихий океан. Здесь было найдено новое, азиатское Средиземноморье. Наконец стало ясно, куда смотрит вторая голова русского орла – вот откуда слишком гордое для обычного военного поста имя – Владивосток.

На роль главного дальневосточного порта претендовали

то Охотск, то Петропавловск, то Николаевск... Уже после основания Владивостока рассматривались альтернативы: Посьет, Ольга, Порт-Артур... Всё это были альтернативные Владивостоки. Империя пульсировала, выпускала щупальца и ложноножки, набрасывала эскизы самой себя, стирала неудачные варианты, оставляла лучшие.

Пржевальский в конце 1860-х, сравнивая плюсы и минусы дальневосточных гаваней, пришёл к выводу: Посьет удобнее Владивостока.

Имя имеет значение. Возможно, в утверждении и возвышении Владивостока сыграло роль именно его название. Остальные посты, создававшиеся в те же годы, нарекались куда скромнее. Имя дирижировало историей – люди и силы должны были сосредоточиться в городе с таким названием, а не с каким-то другим.

Неслучайный интерес к местной топонимике выказывал Джеймс Бонд, в романе «Жизнь даётся лишь дважды» вопрошавший: «...что это за слово “Владивосток”? Что оно значит? Я его знал когда-то, и связано оно с большой страной. По-моему, она называется Россия».

Очертания восточной части империи, поколебавшись, оформились. Проявились два главных города: сухопутный, амурский, сибирского облика Хабаровск – и морской Владивосток. Они кажутся мне единым городом, существующим рассредоточенно. Благоустроенный, неторопливый Хабаровск – и бесшабашный Владивосток, который ещё Хру-

Щёв обещал превратить в «советский Сан-Франциско».

Самые молодые, сталинской эпохи города – Комсомольск-на-Амуре и Магадан. Их жизнь пока не длиннее человеческой.

Экспериментальный, полигонный Комсомольск называли «Городом Юности». Режиссёр Довженко снял про условный и безусловный Комсомольск фильм «Аэроград». О том же – «Дорога на Океан» Леонида Леонова, где Океаном назван идеальный коммунистический город далеко на востоке. Прокладка магистрали к Тихому была путём не только на восток, но и в светлое будущее. Об этом в 1931 году догадался во Владивостоке Пришвин: «Двигаясь вперед, как двигалась история казацких завоеваний, мы достигли, наконец, предельной точки земли у Тихого океана. Казалось бы, конец продвижения, а нет... Дело казацкого расширения перешло к большевистскому, и в этом весь смысл нашей истории. Так сложился путь казацкого продвижения и большевистского в один путь...» Преодоление пространства слилось с духовным восхождением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.